

Невеста
без места

Юстина Южная

(НЕ)ЗАВИДНАЯ НЕВЕСТА

Юстина Южная (не)завидная невеста

<https://litres.ru/74213144>

Аннотация

На одной свадьбе бросили, с другой сбежала сама... Третья? Нет-нет, меня тут вот кошка ждет! Ну и что, что черная. Значит, счастливая буду. Наверное... Если разберусь с загадочным наследством и избавлюсь от властной тетки, которая спит и видит, чтобы поскорее сбегать меня замуж за первого встречного. Но этот приморский лорд... А вот еще посмотрим, готов ли он поступиться своими противокошачьими суевериями, так как я больше не готова поступаться ничем.

неунывающая попаданка
черный котенок приключения
бытовые хлопоты любовь и обязательный ХЭ

Участвует в литмобе "Невеста без места":

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 39	28
Глава 5	35
Глава 40	41
Глава 6	48
Глава 7	53
Глава 41	58
Глава 42	67
Глава 8	74
Глава 43	79
Глава 9	84
Глава 10	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Глава 1

Белый, как снег, флердоранж лежал на моих коленях, а я машинально поглаживала прикрепленное к атласным цветам тончайшее кружево и все никак не могла оторваться от него и начать наконец переодеваться. Переодеться было надо — меня ждала младшая сестра, и я не имела права испортить ей свадьбу, пусть даже моя оказалась испорчена безнадежно.

...Все начиналось, как прекрасная сказка.

Две сестры с разницей в пару недель встречают свою любовь, их избранники умны, сильны и красивы, отношения развиваются как по маслу, и вот однажды младшей, Ольге, ее жених делает предложение. Ольга бежит к старшей, Марии, и рассказывает о своей радости.

«А давай у нас с тобой свадьба в один день будет?!» — восклицает младшая, осененная неожиданной идеей.

Мария смеется, шутит, мол, осталось уговорить невесту... то есть, простите, жениха. Ольга беспечно машет рукой — да что его уговаривать, разве не видно, что он жаждет, просто не решается спросить. У Марии есть на этот счет некоторые сомнения, но сказки-то хочется, поэтому она набирается смелости и спрашивает своего возлюбленного сама. «Ну... да, — отвечает он. — Можно. Если тебе надо». Не то чтобы это те слова, которые Мария всегда мечтала услышать, но они же означают «да», не так ли? И Мария с Ольгой начина-

ют готовиться к свадьбе.

День настает. Волнительный, радостный. Сестры с самого утра не знают покоя. Прически, платья, макияж, звонки подруг, хлопоты родных. В ЗАГСе их уже ждут. Ольгин жених, чуть бледный, но счастливый расхаживает по украшенному цветами залу с мраморным полом и пытается выцепить из рук многочисленных подружек свою будущую жену, та хочет и чмокает его в нос. А Мария одним глазом следит за всей этой кутерьмой, а вторым посматривает на широкие двери, ожидая, когда же появится ее Димка.

Он не появляется.

Ни сейчас. Ни через час. Ни когда подходит время регистрации.

Мария обрывает все телефоны. Тишина. Что случилось?! Что?! С ним все в порядке?! Он жив?!

Он жив.

Спустя три часа приходит короткая эсэмэска: «Я не могу. Прости».

...Я сидела в маленькой комнатке рядом с туалетом, по-прежнему в белоснежном свадебном платье. Крутила в руках снятый с головы тонкий цветочный венок. Рядом стоял пакет со вторым платьем, праздничным, но попроще — в него я планировала переодеться вечером, чтобы от души потанцевать, когда отгремят все поздравления и официальные мероприятия.

Когда все выяснилось, и Ольга, и ее «уже муж», и гости

замерли в неловком молчании. Никто не знал, как реагировать и что теперь делать. Не знала и я. Где-то в глубине груди медленно, но неумолимо разверзалась страшная дыра с кровавыми ошметками по краям, глаза наливались безысходной чернотой. И почему-то безумно болела голова.

Но у моей сестры была свадьба...

Ей двадцать семь, мне на девять лет больше. Она растеряна, расстроена из-за меня и немного напугана. Я старше и сильнее. Поэтому сейчас я не имела права на свои эмоции. Хотя бы для нее этот день должен остаться счастливым. А значит, я переоденусь и пойду улыбаться и плясать, делая вид, что все случившееся пустяки и дело житейское, как говорится, не очень-то и хотелось. Рыдать и сходить с ума я буду потом. Завтра. Дома, в одиночестве. Когда Ольга уедет в свое свадебное путешествие.

Я положила флердоранж на стул и потянулась к застёжке на спинке платья...

...Проводив молодоженов в аэропорт и пожелав им самого сладкого медового месяца, я вернулась домой и упала на кровать — как была, не раздеваясь, только туфли скинула. Голова болела все сильнее, порой ее стягивало невидимым обручем, а затем нещадно кололо, будто кто-то вонзал штык мне прямо в череп. То ли это давили изнутри невыплаканные слезы, то ли скакнуло давление — сил разобраться совершенно не было.

«Надо бы таблетку какую-нибудь выпить, — вяло подума-

ла я. — Или уже не пить. Кому я теперь нужна, с таблеткой или без? У Ольги свое счастье и свой путь. У меня... Что у меня? Пустота...»

Почему-то все никак не получалось заплакать. Но, слава Богу, я хотя бы начала засыпать. Глаза закрылись, тело окутала свинцовая тяжесть, постепенно я уплывала все дальше и дальше в сон, и он с каждой минутой становился все глубже и — внезапно — ярче.

— Поднимите ее, поднимите! Ах, бедная девочка, от счастья, видать, чувств лишилась.

Визгливый вопль заставил меня вздрогнуть, но веки остались сомкнутыми — я не хотела просыпаться, и, даже когда меня принялись тормошить, я лишь послушно встала, но так и не открыла глаз.

— Ну вот и славно. Взволновалась девочка, вы уж простите ее, добрый сэр, и вы, святой отец.

— Я не уверен, можем ли мы продолжать. Невеста очень бледна, она очевидно плохо себя чувствует.

— Продолжайте, отче. Это у нее минутная слабость.

— Что ж... Согласен ли ты, сэр Дримий Столгейт, взять в жены девицу Альциону Блейз, дочь сэра Мордред Блейза, любить ее и быть с ней в горе и в радости, в богатстве и бедности, в болезни и здравии, пока смерть не разлучит вас?

Голос, вещавший в моей голове, был мощен и басовит, его гул раскатывался повсюду, словно я оказалась в помещении с очень хорошей акустикой. Следом же зазвучал второй,

который уже был не столь величественен. Тихим фальцетом кто-то рядом со мной пропел:

— Согласен.

— Согласна ли ты, Альциона Блейз, взять в мужья сэра Дримия Столгейта, сына сэра Олива Столгейта, любить его и быть с ним в горе и в радости...

Какой забавный сон. Горько-ироничный, я бы сказала. Ну, давайте посмотрим его повнимательней, раз уж я по воле сновидческих богов попала на чью-то свадьбу. Даже в забы-тьи не отпускает меня...

Я распахнула глаза, оглядывая сложенные из камня беленые стены и укрытый плотной материей стол, точнее... алтарь? Мне же церковь снится, ведь так? Напротив меня, как и положено, стоял священник в полном облачении. Был он высок, широк и определенно интересней, чем тетенька в ЗАГСе. Смотрел он прямо на меня. Я глупо улыбнулась.

— Девица, ты согласна? — спросил он, вглядываясь в мое лицо с нескрываемой тревогой.

— Альциона, отвечай немедленно! — хлестнуло меня новым голосом, на сей раз женским, высоким и жестким.

— Ты согласна?

— На что? — наконец открыла я рот. Слова вываливались из меня невнятным комом, но это же сон, наверное, тут так и бывает.

— Взять в мужья сэра Дримия Столгейта.

Я повернула голову. Возле меня, в образе реконструктора

эпохи Средневековья, стоял низенький колобок в надвинутом по самые брови бархатном берете. Брови, кстати, были шикарные, Брежнев пришел бы в восторг. А еще дивный нос — плоский и загнутый к низу одновременно. Лет колобку было сильно за сорок.

Пожав плечами, я ответила:

— Господи, нет, конечно! И я не Альциона.

Глава 2

Вокруг меня расплзалась волна молчания. Священник внезапно выпучил глаза, реконструктор стоял, разинув рот, обеих женщин — визгливой и жесткой — тоже не было слышно, а еще стих весь гул на заднем плане. Я наконец сбросила с себя оцепенение и с интересом огляделась по сторонам.

Это точно была церковь, небольшая по размеру и скромная по убранству, с витражами в стрельчатых окнах, изображавшими статичные фигуры неких святых мужей, жен и почему-то рыцарей в полном боевом облачении. Несмотря на голые каменные стены, в зале все равно ощущался уют: то ли из-за красивой деревянной резной кафедры и таких же скамеек, расположенных по краям от прохода, то ли из-за живых цветов, украшавших пространство возле алтаря.

Не сказать чтобы церковь была наполнена людьми, но с десяток человек на церемонии присутствовали. Первой я обратила внимание на длинную, худощавую и плоскую, как жердь, тетку, одетую в темно-бордовое, расшитое серебром платье до пят. Ее темные с отчетливой проседью волосы свисали в сложную прическу, а стальные серые глаза грозились пронзить меня насквозь. Ладони у женщины медленно сжимались в кулаки.

И чего она так нервничает? Немолодая уже, удар еще хва-

тит, откачивай ее потом... Совершенно не заботясь о странной тетке — это же сон! — я перевела взгляд дальше. Возле первой женщины стояла еще одна, в таком же, только победнее и попроще, безо всякой вышивки, платье. Эта была существенно полнее и выглядела лет на десять помоложе, но тоже явно была близка к апоплексии — пухлые ручки она прижимала к груди, а губы изображали огромную букву «о».

Я присмотрелась к публике, занимавшей церковные скамьи. Все как один — и мужчины, и женщины — были выражены в одежды глубокой средневековой древности. Сукно, бархат, шерсть и простой лен — здесь присутствовало все. На головах у некоторых дам красовались непривычные уборы, а мужчины носили мягкие береты.

«А что, в церкви нынче, шапки снимать не принято?» — рассеянно подумала я, но тут же объяснила все причудами своего сновидения. Попала я в нем на слет реконструкторов или перенеслась в Средневековье — какая, в сущности, разница.

Кстати, а я что, тоже в таком нелепом наряде? О, и правда! На мне, как на вешалке, болталось голубенькое платье, а поверх него — бледно-зеленая, расшитая цветочным орнаментом безрукавка с длинными полами. Что-то я очень худая в этом сне. Но вообще, это даже приятно, я такой, пожалуй, только лет в пятнадцать-двадцать была. Поднеся руку к голове, я обнаружила, что в распущенных волосах запутались какие-то тканевые кусочки. Выдернув первый попав-

шийся, я увидела матерчатый цветочек — как мило! Волосы, между прочим, мало напоминали мои. Прядка, которую я машинально принялась накручивать на палец, была очень темной, почти черной, и вилась крупными кольцами. Не чета моим обычным русым космам.

— Так, — раздался твердый голос священника. — Достопочтенные собравшиеся, у невесты от переживаний немного помутился рассудок. Прошу всех выйти и подождать снаружи, пока мы с госпожой Морвейн поможем девице Блейз прийти в себя. О том, продолжится ли церемония, сообщим позднее.

Гости, тут же загомонив и зашушукавшись, принялись подниматься с мест и выходить за двери, поминутно оглядываясь на меня.

— А я? — растерянно обратился к священнику несостоявшийся жених.

— Сэр Столгейт, вы тоже, будьте любезны, покиньте нас на время. Думаю, вашей невесте станет лучше, когда она останется в обществе только одной родной тети.

— Говорила я тебе, — тихо прошипела полная дамочка с визгливым голосом на ухо той длинной, которую называли госпожой Морвейн, — этого порошка нельзя давать много. Смотри, что она теперь вытворяет. Хорошо хоть не померла.

— Иди прочь, Горди. Потом поговорим, — таким же свистящим шепотом ответила женщина, пристально всматриваясь в мое лицо.

Я ответила ей абсолютно безмятежным взглядом. Какое мне дело до их переговоров? Сейчас проснусь — и они все исчезнут. Кстати, пора бы уже. Что-то я задержалась в этом сне. Он становится скучным.

— А ты, Горди Свон, поди-ка сбегай за лекарем в замок. Сама видишь, госпоже Блейз нужна помощь, — бросил священник вслед удаляющейся полненькой даме.

— Конечно, отец Далмаций, я мигом, — закивала та. Правда, по ее одновременно заполошному и сторающему от любопытства виду было понятно, что она скорее намерена подслушивать у замочной скважины, нежели бежать куда бы то ни было.

Когда наконец за всеми гостями закрылись двери, священник повернулся ко мне и жердеобразной женщине.

— Госпожа Морвейн, я хотел бы знать, что здесь происходит, — произнес отец... как там его?.. Далмаций, пристально глядя ей в глаза.

— Спросите у этой несносной девицы, святой отец, — с раздражением ответила тетка. — По какой такой причине, она устроила здесь немыслимое представление, вместо того, чтобы принять оказанную ей сэром Столгейтом честь?! Я не для того растила ее, как собственную дочь и устраивала ей самый лучший брак из всех возможных, чтобы она сейчас ответила столь черной неблагодарностью. Невероятное оскорбление и меня, и всех гостей, и главное — рыцарского достоинства жениха! — Она развернулась ко мне. — Альци-

она, отвечай, что здесь происходит?!

Ну, Альциона так Альциона, ладно, мне не жалко. Имя красивое, поношу его еще пару минут.

— Да это я у вас хотела спросить, — разведя руками, сказала я. — Нарядили в какой-то безвкусный антиквариат, жениха безобразного подсунули. Не могли кого поинтересней найти?

— О, Боже... — сглотнула госпожа Морвейн, — кажется, она и впрямь потеряла рассудок... Она же... она... никогда в жизни так со мной не разговаривала. Да и вообще ни с кем...

Отец Далмаций осенил себя чем-то вроде крестного знамения, но больше было похоже, что он описал рукой то ли круг, то ли овал, начиная со лба и им же закончив.

— Госпожа Морвейн, я хотел бы поговорить с Альциной наедине. Удалитесь, пожалуйста, — негромко велел он.

Глава 3

Отчего-то суровая дама не спешила уступать священнику.

— Этого не требуется, святой отец, — покачала она головой. — Позвольте, лучше я уединюсь ненадолго с Альционной. Уверена, родственное внушение подействует на нее скорее, чем ваши увещевания.

Отец Далмаций немного помолчал, а потом я услышала его негромкое:

— Нет.

— Простите? — не поверила своим ушам госпожа Морвейн.

— Я сказал нет, сейчас вы не можете остаться с вашей племянницей наедине. Да, в ваших краях я человек новый, лишь недавно прибыл на замену предыдущего собрата здесь, в Ланде, но полномочия возложены на меня епископом Суонской епархии, и мое слово должно что-то значить в этом приходе. Будьте любезны, дайте мне несколько минут для разговора с девицей Блейз.

— Альциона! — воскликнула дама, внезапно хватая меня за руку. — Тебе ведь просто надо подышать свежим воздухом, так? Ну-ка, скажи святому отцу!

Хватка у «моей тети» была цепкой и болючей, и меня вдруг кольнуло, что все происходящее как-то слишком натурально выглядит. Голоса — звучные, одежда — шуршащая,

прикосновения — ну, прямо как настоящие. Что-то этот сон мне окончательно разонравился...

Я с усилием выдернула руку из дамочкиного мертвого захвата и решительно ущипнула себя за тыльную сторону ладони.

Ничего не произошло. Кроме того, что руке стало еще больнее.

Тогда я пару раз сильно зажмурилась, а затем распахнула глаза. Помнится, где-то в интернете вычитала, что, если спишь, а хочешь проснуться, то надо энергично поморгать — и тогда откроешь глаза уже в реальности. Но... похоже, этот способ тоже не сработал. Я лицезрела перед собой все ту же церковь и тех же двух людей.

Что бы еще такого сделать?

— Госпожа Морвейн, уходите. Я позову вас, — снова произнес священник.

На сей раз недовольная матрона послушалась и нехотя двинулась в сторону выхода.

Когда она наконец ушла, отец Далмаций повернулся ко мне.

— Альциона, — начал он с некоторой осторожностью в голосе, — ты не против, если я запру двери церкви? Не бойся, это не для того, чтобы ты не смогла выйти, а наоборот, чтобы никто не ввалился сюда, и не заставил тебя делать что-то против твоей воли.

Я ничего не ответила, занятая мыслями о том, как бы себя

разбудить, однако краем сознания отметила, что священник разговаривает со мной преувеличенно мягким, успокаивающим тоном. Помнится, именно таким журчащим голоском я пыталась успокоить одного психа, на беду встретившегося мне возле неосвященных гаражей. Надо сказать, преуспела.

Впрочем, даже идея, что святой отец считает меня ненормальной, не сбила мой «просыпательный» настрой. Я с завидным упрямством продолжала щипаться, моргать и в порыве раздражения даже тянула себя за палец зубами. Но мои усилия по-прежнему пропадали втуне.

Услышав скрежет поворачиваемого в замке ключа, я бросила бесплодные попытки и попробовала прочесть фразу, крупными буквами каллиграфически выведенную на стене. Говорят, во сне ты не сможешь этого сделать — строчки сливаются, расплываются, ускользают...

Этот текст я видела четко. И он был написан на валлийском. Причем я понимала — что на валлийском. И... **ПОНИМАЛА, ЧТО ИМЕННО ТАМ НАПИСАНО!**

«Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь», — гласила нехитрая надпись.

Вполне подходящая для церкви, да. Вот только... только... как такое возможно?

По моим рукам и ногам заструился холод, сердце сжалось в ледяной комок.

— Юная мистрис, не пугайся, все хорошо, — произнес подошедший ко мне отец Далмаций. — Теперь здесь никого

нет, и я не дам тебя в обиду. Ты можешь рассказать мне, что случилось? Для меня все выглядело так, будто твоя свадьба не была добровольной и желанной. Я прав? Ты ведь поэтому упала в обморок? А потом стала... Пстой... Что с тобою?

Очевидно священник заметил мое каменное оцепенение и поэтому замолчал. Я подняла на него глаза, дотронулась до темно-зеленой рясы и накинутаго поверх белого плаща. Ткань. Настоящая обычная ткань. Я ее чувствую. И сквозняк чувствую, по ногам дует немилосердно. И свечи горят вокруг, издавая характерный запах воска.

— Альциона, девочка, — тихо сказал отец Далмаций, аккуратно прикасаясь к моей ладони. — Тебе плохо? — Пальцы у него были теплые, с чуть мозолистой кожей. И тоже до ужаса настоящие. — Пойдем-ка присядем. Я налью тебе воды. Тут, правда, только святая... Но где-то было вино. Да, пожалуй, глоток доброго вина тебе сейчас не повредит.

Я дошла со священником до скамьи и послушно опустилась на нее. Пока он отсутствовал, скрывшись за маленькой узкой дверцей сбоку от алтаря, я так и сидела, не сдвинувшись с места.

Когда-то читала, что в ситуации внезапного стресса человеческая психика выдает одну из трех реакций, заложенных в нас природой. В зависимости от особенностей нервной системы, срабатывают механизмы «бей», «беги» или «замри».

Сколько себя помню, я по жизни чаще всего демонстрировала именно третью реакцию. Мчится на меня машина —

на несколько мгновений застываю столбом. Оскорбляет начальство на работе — замолкаю и лишь сжимаю покрепче челюсть. Обижает близкий человек — стою, как дура, глядя на него в недоумении.

Кстати, не сказать, что эта стратегия была так уж неэффективна. Вместо того, чтобы кидаться куда-то сломя голову, я получала своеобразную отсрочку на обдумывание. В случае с той же машиной, например, мозг за доли секунды просчитывал траекторию движения этой металлической дурынды, и когда я уже отмирала, то отпрыгивала в самую безопасную сторону. А тот транс, в который я впадала при стрессовом общении, помогал избегать наиболее разрушительных последствий.

Вот и сейчас я застыла, как бы отстраненно осознавая все происходящее.

Осматривала руки и ноги, щупала лицо и тело, медленно обводила взглядом помещение... И понимала: я — здесь. Где бы то ни было это «здесь». И я — теперь не совсем я.

— Вот, выпей, — сказал отец Далмаций, протягивая мне металлическую чарку.

Я машинально приняла ее, так же машинально отметила кисловатый винный запах жидкости, и одним махом опрокинула содержимое чарки в себя. Хуже уже все равно не будет.

— Можно я за тебя помолюсь?

Не дождавшись ответа, священник присел рядом со мной, положил мне ладонь на голову и зашептал очень простые

слова, не на латыни, не на греческом, а на том языке, который я прекрасно понимала:

— Отец Небесный, да святится имя Твое. Услышь раба Твоего и помоги рабе Твоей в трудный для нее час...

С каждым произнесенным им словом я все глубже уходила в свой транс. А передо мной одна за другой начали всплывать картинки из жизни.

Не моей.

Из жизни девушки по имени Альциона Блейз...

Уважаемые читательницы! Эта книга участвует в замечательном литмобе "*Невеста без места*", где собрались одни из самых лучших авторов Литнета. Приглашаю вас заглянуть на страничку литмоба и насладиться прекрасным чтением! Каждая здесь найдет книгу по душе. :)

<https://litnet.com/shrt/uEEV>

Глава 4

Маленькая Алли бодро топает по двору, который кажется ей одним огромным нескончаемым королевством. От порога ее «дворца» до выбеленных стен домика для слуг — целый мир. От домика до конюшни — два мира. А от конюшни до хлева, где всегда влажно и пахнет сеном, шерстью и молоком, — все три. И это только если пойти в одну сторону! А если направиться в другую, то можно легко заплутать в Зачарованном Саду, а потом взять и «выплутать» обратно и добраться до Высокой Стены. За стеной прячется Таинственный Лес, где она уже два раза бывала с папой, и где живет Рыжая Лиса, которую она видела своими глазами. Да-да, видела, и пусть Магда не смеется над ней, говоря, что лисы не показываются человеку. А вот ей показалась! И папе!

Если же пойти в сторону ворот, то можно выбраться наружу и встретить папу, когда он будет ехать по пыльной земляной дороге, возвращаясь из замка лорда. Вот в замке она еще ни разу не была. Но папа обещал, что когда-нибудь возьмет ее туда с собой.

Вспомнив об отце, Алли решительно направляется к воротам, однако на ее пути возникает белое шерстяное облачко, очень резвое и прыгучее. Эйми! Крошечная козочка, которую папа недавно вынес из хлева и показал Алли, чтобы она сама дала ей имя. «Эйми», — торжественно нарекла коз-

ленка девочка, проникнувшись ответственностью момента, и с тех пор часто прибегала на скотный двор поиграть со своей новой любимицей.

Но пообниматься с шерстяной подружкой Алли не дают. Из-за угла дома выскакивает Магда и несется к девочке.

— Альциона! Вот ты где! Как же ты меня напугала. Не убегай больше от своей нянюшки.

Алли смотрит на нее недоуменно. А что еще она должна была делать, если нянюшка Магда задремала и перестала играть во всякие интересные игры. Не сидеть же возле нее сиднем?

К счастью, в этот момент ворота распахиваются и во двор въезжает всадник на высоком черном коне.

— Папа! — восклицает Алли.

Магда удерживает девочку, чтобы та ненароком не угодила под лошадиные копыта, и, взяв ее за маленькую ручонку, подходит поприветствовать хозяина дома, сэра Мордред Блейза. Сэр Мордред спешивается и тут же подхватывает дочь на руки.

— Ну, как ты тут без меня, моя леди?

— Скучала, играла, спала. И Эйми пришла, вон она.

Алли прижимается к отцовской груди, ее совершенно не раздражает ни запах пота, ни пыль на одежде отца. Ближе папы у нее нет никого. Ведь своей мамы девочка не видела никогда. Как ей объясняли отец и Магда, ее мама ушла к ангелам, едва успев подержать на руках новорожденную дочку.

— Она меня так не полюбила, что ушла? — однажды спросила Алли у папы.

— Нет, что ты, моя девочка! Она очень-очень тебя любила и хотела остаться с тобой навсегда. Но ангелы пришли к ней и сказали, что у Бога для нее есть важные дела, и позвали на небеса. Твоя мама теперь сильно занята, но всегда присматривает за тобой с небес, помни об этом. Однажды... правда еще нескоро... вы обязательно увидите.

— Ангелы нехорошие, — нахмурилась Алли. — Мне мама нужнее. А они ее забрали.

Мордред Блейз вздохнул, ласково обнимая дочурку.

— Не ругай их. Они хотя бы оставили мне тебя. Я очень рад, что ты у меня есть.

— И я!

Обида на ангелов несколько утихает. Но Алли не знает, что через пять лет ей придется ругаться на них еще раз.

Девятилетие юной госпожи Альционы Блейз празднуют с размахом. То есть, с размахом — по меркам того захолустья, где они живут.

Уэльс нынче не тот, что раньше. Его потрепали войны с англичанами, обогатив лишь уже богатых и еще больше разорив бедных. Мордред Блейз, не последний человек в Ланде, он принадлежал к рыцарям валлийского графа Овейна Арундела и имел достаточно земли, чтобы вполне сносно жить и обеспечивать прокорм своим людям. Но граф, ни-

когда не ввязывавшийся в конфликты и негласно поддерживавший англичан, в какой-то момент открыто выступил на их стороне и сдал им приморский городок Ланд со всеми окрестностями в обмен на плодородные земли на юго-востоке Англии.

Такое не было редкостью. Валлийские дворяне давно устали от постоянных бесплодных и разоряющих сражений, и сейчас, когда почти все древние королевства Уэльса — Гвинед, Поуис и остальные — и так уже принадлежали англосаксам, они по большей части предпочитали руководствоваться личной выгодой, нежели высокими соображениями независимости. Вовсю заключались валлийско-английские браки, и никто из местной знати не жаждал вступать в героическую, но бесполезную борьбу на манер шотландца Роберта Брюса. Воевать, по сути, было уже не за что и незачем. Так что граф радостно усвистал в новые владения, повелев своим растерянным рыцарям верно служить прибывшему в Ландский замок английскому барону Томасу Эстли.

После долгого периода притирок, Мордред Блейз смирился с существующим положением дел и поступил на службу к барону. Томас Эстли был достаточно умен, чтобы не зверствовать в отношении новых подданных, однако кое-какие земли конфисковал в пользу своих сыновей, старшего Николаса и младшего Уильяма. Пострадал при этом и сэр Мордред, впрочем, дабы утихомирить его гнев, барон положил ему хорошее жалованье.

В общем, отношения с новыми хозяевами Ланда у семейства Блейз складывались неоднозначные. Однако на девяностое Альционы они получили приглашение от барона и отпраздновали ее день рождения в замке...

Алли, уставшая от долгого сидения за столом, отпрашивается у отца и убегает в садик, примыкающий к одной из стен замка. Там она бродит в одиночестве, время от времени срывая цветы шиповника и пристраивая их к себе в прическу. Девочка очень недовольна отцом. Она же не маленькая и видит, что их пригласили в замок не просто так. Барон явно рассматривает Альциону, как потенциальную невесту для своего второго сына. Но ее кто-нибудь спросил, хочет ли она замуж за этого несносного мальчишку, который старше ее на два года, а нос держит задранным, будто — на все двести? И вообще, он англичанин, а она валлийка. Как отец может даже думать о таком?! Но он думает, и это очевидно. Весь день они с бароном о помолвке шушукались.

Раздвинув кусты низкорослого ивнячка, она хочет забраться внутрь, чтобы ненадолго спрятаться от всех, но обнаруживает, что они уже заняты. Уильям, тот самый женишок, сидит в центре кустарника, и это явно его давнишний штаб и плацдарм — удобно вытоптанный круг в середине, вокруг разбросаны вырезанные из дерева солдатики, рядом с мальчишкой лежит карта чего-то. Алли не успевает понять — чего. Уильям вскакивает и пытается вытолкнуть девочку обратно.

— Чего приперлась?! Брысь отсюда, это мое место!

— Чего надо, того и приперлась! — Алли опешивает от напора, но так легко сдаваться не собирается. — Это наша, валлийская, земля и кусты эти — валлийские, а ты тут захватчик! Имею право!

— Да что ты несешь?! — Теперь наступает очередь парня уронить челюсть. — Вот я тебя...

Уильям не успевает сказать, что именно «он ее», так как в образованную девочкой дырку в ивнячке просовывается любопытная кошачья морда. Огромный пушистый серый котик, с драным ухом и следами суровых битв на морде, оглядывает диспозицию на предмет чего-нибудь пожрать, но быстро понимает, что съестного здесь нет.

— Брысь отсюда! — орет мальчишка теперь уже на кота, и Алли замечает на лице Уильяма не просто раздражение, а откровенную опаску.

«Небось, кошек боится», — фыркает девочка и бесстрашно подхватывает серого разбойника (который от недоумения даже не пытается сопротивляться), а затем гордо вылезает из кустов, если конечно можно сохранить какую-то гордость, пятясь задом в этакое полупоклоне.

— Мы уходим! — бросает она Уильяму.

Чтоб она да вышла замуж за этого сопляка... ни за что! Так она отцу и скажет.

И Алли пытается сказать.

Но этому браку и так не суждено состояться.

Уже на следующий день им всем становится не до того. В Ланд приходит толпа валлийских повстанцев, организованных кем-то из гвинедских графов, не успевших урвать от англичан кусочек пожирнее. Теперь они говорят, что не желают терпеть владычество захватчиков, и принимаются жечь и грабить замки, принадлежащие врагу. Барон Эстли попадает под раздачу.

Веря, что сможет утихомирить толпу, Мордред Блейз выходит из замка к бунтовщикам, и пытается договориться с ними. Все идет неплохо, пока откуда-то из задних рядов не вылетает булыжник. Камень врезается в лоб сэра Мордреда, и тот падает замертво.

Замок не переживает осаду и сдается. При обороне погибает сам барон и его старший сын Николас Эстли. Жена барона и Уильям успевают сбежать.

А у Алли начинается совсем другая жизнь.

Глава 39

Уж не помню, где в прошлой жизни я это вычитала, то ли в интернете, то ли в какой-то из сестринских книжек по истории, но факт запомнился: в хрониках аббатства Сент-Олбанс, сохранилась запись о кошке, которая, разрывая мышиную нору в кладовой, нашла считавшиеся утраченными документы, которые для каких-то целей похитили и спрятали ушлые монахи. Причем дело происходило примерно в те же годы, в которые я живу сейчас. И раз уж та безымянная кошка осталась увековеченной в истории, то Ньюшке сам Бог велел!

Я принесла шкатулку в большой зал, и мы сгрудились вокруг нее целой толпой: я, Уильям, Тереза, Мэйр, Джерри и даже наш гениальный взломщик Тоби, также участвовавший в поисках. Его умения снова оченьгодились, когда он вскрывал нам хитрый замок, запиравший ящичек.

Наконец под всеобщий нервный вздох шкатулка была открыта, и миру предстали листы тонко выделанного пергамента, укутанные в зеленый сафьян, а под ними еще узкая стопка исписанной бумаги. Ручонки у меня подрагивали, поэтому я отдала право достать и посмотреть найденные документы барону. Развернув сафьян, Уильям громко зачитал заглавную надпись на первом листе:

— «Во имя Господа, аминь. Я, сэр Мордред Блейз из Лан-

да, милостью Божьей рыцарь, в здравом уме и теле, принимая во внимание неопределенность человеческой жизни, удостоверяю сию волю мою...»

Он поднял на меня ошеломленный взгляд, а я только и смогла, что кивнуть, мол, читайте дальше. И барон начал читать...

Все, Нюшка, достанутся тебе сегодня самые вкусные кушочки курятины. Заслужила!

Это было оно! Завещание моего отца. Заверенное четырьмя печатями: отцовской, баронской и печатями ландских священника и нотариуса. Каким образом документ попал под крышу замка, оставалось только гадать. Уильям предположил, что в день нападения на крепость в происходившей суматохе кто-то из слуг, кому было приказано собрать и принести все важные бумаги, спрятался со шкатулкой наверху, а когда понял, что враги уже близко, сунул ее под неплотно прилежавшую деревянную половицу.

Что случилось дальше, история умалчивает, но одно понятно точно: эту часть замка огонь пощадил лишь по чудесной случайности, и только благодаря этому мы теперь могли прочесть истинную последнюю волю сэра Мордредра.

Другие бумаги, что были найдены в той же шкатулке, оказались письмами, принадлежавшими матери Уильяма, и тот порадовался, что теперь сможет ей их вернуть. Завещание же он протянул мне.

Я с внезапным благоговением приняла его из рук Уильяма

и погладила пальцами немного выцветшие чернила. «Спасибо, отец... И от прежней Алли и от Алли нынешней. Да хранит тебя высшая сила, где бы сейчас ни была твоя душа».

В завещании было перечислено все. В том числе и тот самый рудник, из-за которого и разгорелись все страсти. И конечно же, вступление в права наследства должно было состояться в день моего совершеннолетия, то есть уже три года назад.

Ну, тетка, ну, погоди!

— Что ж, леди Альциона, думаю, теперь я, как владелец этой земли, с полным правом могу осудить госпожу Морвейн за подделку завещания ее брата, — неожиданно серьезно сказал барон. — Если, конечно, вы не пытаете к ней родственными чувствами и не хотите замять скандал.

Я бросила на Уильяма выразительный взгляд из-под бровей.

— Не пылаю. Отправьте к ней констебля Биркина, пусть препроводит мою любезную тетушку к ее лучшей подружке Горди Свон. Только не сажайте их в одну темницу: они и без того явно продумали свой план на случай неудачи, а так и вовсе смогут сговориться прямо на месте. Послушаем, что она скажет, потом что-нибудь решим.

Барон кивнул и повернулся к своему доверенному слуге:

— Джерри, предупреди констебля, а мы с леди Блейз удостоверим ее документы у отца Далмация. Сегодня как раз служба, так что встретимся все в церкви.

К священнику мы поехали верхом, так что добрались быстро. Вечерняя служба уже началась, и мы потихоньку проскользнули в здание храма, присев на скамью в последнем ряду. До этого мне еще не представлялся случай послушать проповеди отца Далмация, и я испытывала определенное любопытство.

Здесьнее богослужение представляло собой смесь католической мессы и протестантской литургии с вкраплением некоторых местных особенностей и велось оно преимущественно на английском языке. Отец Далмаций прочитал один из псалмов, затем последовало нечто вроде григорианских хоралов в исполнении двух певчих (ух ты, у нас в Ланде такое есть?!), а потом священник перешел к проповеди.

Отец Далмаций говорил со своими прихожанами о любви, и я вовсе не была этому удивлена. Он сам жил в этой любви и пытался передать ее людям. Словно апостол Иоанн, который даже будучи глубоким стариком, когда уже не мог ходить да и говорил-то с трудом, все равно повторял собиравшимся вокруг него ученикам: «Дети, любите друг друга. Любите. Ибо в этой заповеди Господа — всё Его учение».

Вот и сейчас отче цитировал нам Послание святого апостола:

— Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь... В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому

что в страхе есть мучение... Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит? И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего[1].

Размышляя над словами Писания, я подумала, каким отличным местом стал бы мир — любой мир, — если бы мы, люди, почаще руководствовались этой заповедью. Если бы в своей душе прежде всего растили бы любовь, заботливо и тщательно, как растят пшеницу, ибо знают, что не будет хлеба — не будет и жизни.

Я бросила взгляд по сторонам — не стоит ли где-нибудь моя тетя? Вот ей бы эти слова да прямо в уши, а лучше в мозг и сердце. Однако мистрис Морвейн на службе не присутствовала. Как и ее служанка, кухарка Уна и еще пара слуг из дома.

Тут бы мне насторожиться, но я не придавала этому факту особого значения. Госпожа Гленис Морвейн явно не приветствовала нашего нового священника, может, поэтому и службы его решила демонстративно не посещать. У слуг же могли быть какие-то свои дела. В конце концов, здесь присутствие на богослужениях не считалось намертво обязательным. Очень желательным — это да, но за разовый пропуск санкций никто не накладывал. Разве только соседи начинали на тебя косо поглядывать, если ты уж слишком часто пренебрегала своими религиозными обязанностями.

Но как показали дальнейшие события, насчет тетки я ошиблась.

Отец Далмаций прочитал положенные молитвы, освятил вино и хлеб и провел причастие, во время которого мы вновь слышали григорианское пение. Затем он благословил прихожан, и литургия завершилась.

После службы мы все, включая констебля и его помощника, собрались в домике священника. Принесенные нами новости отца Далмация весьма порадовали, а вот констебля заметно напугали. Еще бы, одно дело арестовывать простую горожанку вроде Горди Свон, а тут целая знатная особа, к которой не знаешь, как и подъехать. Единственное, что его взбодрило, это прямой приказ лорда Эстли. Барон, как главная власть Ланда, естественно, был в приоритете.

За теткой мы отправились все вместе, лишь прихватили с собой еще и Джерри для верности. Не то чтобы кто-то ожидал от мистрис Морвейн отчаянного сопротивления, но солидность делегации с каждым добавленным в нее человеком однозначно возрастала.

Однако, когда мы добрались до моего дома, нас ждал сюрприз.

— А мистрис здесь нет, — пролепетала растерянная Уна, открывшая нам дверь. — Она уж с полудня собралась и куда-то уехала. С вещами и личной горничной. За ней экипаж какой-то явился, крытый, с возчиком на козлах.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Что ж мы, растяпы-то

такие, не оставили никого следить за ней?! Впрочем, никто из нас и не предполагал, что госпожа Морвейн может банально сбежать, бросив и дом, и рудник, и свою сообщницу в тюрьме.

Что ж, это будет нам хорошим уроком. Теперь бдительность постараемся не ослаблять.

[1] 1-е Послание Иоанна, 4:7-8, 18, 20-21

Глава 5

Госпожа Гленис Морвейн появляется в жизни Альционы спустя месяц после печальных событий в Ланде.

— Это твоя тетя — мистрис Морвейн, — сообщает Алли ее старая нянюшка, все эти дни присматривавшая за юной госпожой. — Теперь она будет опекать тебя, пока ты не станешь взрослой.

Альциона учтиво кланяется и привстает на цыпочки, чтобы, согласно обычаю, расцеловаться с родственницей в щеки, однако ответного жеста не следует, и девочка отступает. Она удивлена, но сейчас любые эмоции в ней пригашены жуткой болью от потери отца, поэтому, в сущности, ей все равно, хочет тетушка лобызаться с ней или нет.

Мистрис Морвейн пристально рассматривает Алли, затем наконец открывает рот.

— Ты очень похожа на свою мать, — произносит она. И отчего-то в ее голосе девочке мерещится странное осуждение. — Однако, надеюсь, мой бедный брат, воспитал тебя лучше, чем свою жену. Той он слишком много позволял, из-за ее прихотей мне, почтенной вдове, пришлось съехать из родного дома к дальней родне. Впрочем, не будем об этом. Сейчас нужно, чтобы кто-то о тебе позаботился. Несчастное дитя, ты ведь осталась совсем без средств к существованию.

— Госпожа Морвейн, — робко вклинивается Магда, —

но сэр Мордред завещал дочери...

— Кажется, я не давала тебе права перебивать меня, не так ли?

— Простите, госпожа. И все же...

— Поговорим об этом позже, — резко обрывает нянюшку Гленис.

На следующий день Магда получает расчет и, утирая слезы, бредет прочь от дома Блейзов с котомкой за плечами.

Альциона узнает об этом лишь вечером и требует, чтобы ее нянюшку немедленно вернули обратно.

Она еще не понимает, что власть в доме сменилась безвозвратно.

Все последующие годы девочку последовательно и планомерно ломают. Из жизнерадостного открытого ребенка, полного любопытства к этому миру, Альциона превращается в тихое, замкнутое существо, послушно исполняющее волю «любимой тетушки». По крайней мере, так выглядит внешне.

На самом деле, у Алли мало выбора — за каждое неповиновение ее лишают чего-то ценного. И это не просто леденец на палочке.

Несколько дней девочка активно протестовала против ухода Магды, пока госпожа Морвейн не обратила внимание на то, что Алли часто убегает в сторону скотного двора, выводит оттуда невысокую белую козу и бежит с ней играть в

сад.

Через пару дней девочка как обычно заходит за любимицей, но ее нигде нет. Поиски ни к чему не приводят. Большая Берта, ухаживающая за скотиной и птицей, разводит руками, а Уолли, их дворовый работник, что-то невнятно бормочет и сбегает прочь под каким-то нелепым предлогом.

На обед Альционе и госпоже Морвейн подают мясную похлебку. Суп густой и наваристый, но у девочки нет аппетита, и она лишь вяло прихлебывает бульон.

— Что же ты не ешь, моя дорогая? — осведомляется Гленис. — Ты очень бледна в последнее время, тебе непременно надо поддерживать силы. Конечно, нам приходится экономить, но сегодня, видишь, я даже попросила сварить для тебя мясо. Оно весьма полезно. Хоть это и обычная козлятина.

Алли застывает, не донеся ложки до рта.

Медленно поднимает глаза.

— Г-где вы взяли к-козлятину? — едва слышно спрашивает она.

— Да где ж еще его брать, как не в нашем хлеву, — пожимает плечами Гленис.

Лицо девочки наливается гипсовой белизной.

— Это ведь не... Эйми?

— Кто? Какая Эйми? О чем ты, Альциона?

Девочка резко вскакивает из-за стола и, зажимая рот рукой, вылетает за дверь. Госпоже Морвейн слышно, как желудок девочки раз за разом выворачивается наизнанку.

Идут недели и месяцы. Альциона сбегает из дома — ее ловят и возвращают обратно. Альциона устраивает голодовку — ее привязывают к стулу и начинают кормить насильно. Альциона пытается подбить слуг на маленькое восстание — теперь в доме сплошь новые и незнакомые слуги. Альциона жалуется на свое положение отцу Грегори из местной церкви — священник то ли искренне не понимает, что происходит, то ли его очень радуют пожертвования мистрис Морвейн, но он советует юной девице Блейз почитать взрослых.

И все это, разумеется, только «во благо бедной девочки, помутившейся рассудком от горя после смерти отца».

Тогда Алли смиряется и просто начинает ждать своего совершеннолетия.

Она довольно наивна, и полагает, что, когда ей исполнится шестнадцать, она сможет вступить в права наследства и наконец-то получить хоть какую-то свободу от ненавистной тетки...

Впервые ее пытаются выдать замуж в четырнадцать. Альциона на время выныривает из своего внутреннего кокона и устраивает жутчайшую истерику. Через год она снова срывает готовящуюся свадьбу.

И вот ей шестнадцать...

Но, какая жалость, оказывается, по завещанию сэра Мордреда Блейза его дочь не может распоряжаться наследством либо до своего двадцатипятилетия, либо до вступления в брак.

Алли уверена, что таких условий в завещании быть не может, однако вот они, официальные бумаги, заверенные свидетелями и подтвержденные, как полагается.

Девушка не знает, что еще можно предпринять. В целом мире она осталась совершенно одна. Ее полностью изолировали от общества, лишили родни, верных слуг, друзей и вообще всякой поддержки. Она ставит себе следующий срок — двадцать пять.

Через пару лет тетка Альционы обзаводится новой знакомой, приехавшей откуда-то с самого юга вместе со всем своим большим семейством. Горди Свон сильно проигрывает госпоже Гленис в происхождении и достатке, но все же что-то эти две женщины находят в обществе друг друга.

В день девятнадцатилетия Альционы мистрис Морвейн необычайно добра с ней. Они сидят за столом и пьют во ее, Алли, здравие. Девушке кажется, что вкус вина в этот раз немного необычен, однако госпожа Гленис объясняет, что это особый сорт, который ей прислали ее родственники по усопшему мужу.

Вскоре этот вкус начинает мерещиться Алли везде — в воде, в эле, во всех других винах. А потом она начинает замечать, что из ее памяти выпадают целые часы и, порой, даже дни. «Кажется, я и впрямь схожу с ума», — вяло думает она. Впрочем, теперь все у нее происходит вяло.

В какой-то момент тетка возобновляет разговор о замужестве, и на сей раз у Алли нет сил сопротивляться. Она не

отвечает согласием, но и твердо отказать тоже почему-то не в состоянии.

Все дни проходят в странном полузабытьи. Лишь иногда девушка выныривает из своих грез и видит мир таким, какой он есть. В один из таких просветов она понимает, что в Ландском замке произошли перемены. Кажется, у него снова появился хозяин. А еще в церкви теперь другой священник. Куда делся отец Грегори, она не знает и не пытается узнать. Зачем? Какая разница? Все равно она ляжет спать, а утром встанет, не помня, что случилось вчера.

Однажды вокруг Альционы начинают как-то особенно рьяно суетиться служанки. Они одевают ее в непривычное платье, вплетают в ее волосы матерчатые цветы и поздравляют с... с чем?... со свадьбой? Чьей свадьбой? А впрочем, не все ли равно?

Госпожа Морвейн дает девушке в руки кубок, доверху наполненный желтоватой жидкостью.

— Это поможет тебе, моя дорогая, укрепит твои силы.

Алли проглатывает напиток. Вкус у него все тот же — уже привычный.

Затем она куда-то идет, где-то стоит, слышит церковное пение и вроде бы ощущает запах ладана.

А потом к Алли приходит госпожа Тьма и ласково закрывает ей веки...

Глава 40

Констебль в отсутствие тетки ощутив себя в своей стихии, учинил допрос всем оставшимся слугам в попытке выяснить приметы возницы, приехавшего за госпожой Морвейн. Люди, конечно, по своему любопытству старались рассмотреть его лицо, однако тот прятал его под капюшоном плаща, и кроме как «ну, борода у него такая черненькая, куценькая» и «а челюсть-то прям как из камня вырублена» наш страж порядка ничего не добился. Впрочем, рост и телосложение мужчины позволяли предположить, что это не какой-то случайный наемный возчик, а тот самый мужчина, который собирался вместе с Горди напоить меня дурманным зельем.

В общем, ничего толкового мы так и не узнали. Мистрис Морвейн при отъезде не вдавалась в объяснения, просто с вечера собралась, а утром приказала слугам погрузить ее вещи в повозку и была такова. На осторожные расспросы прислуги отвечала односложно, мол, уезжает по важным делам, содержите дом в чистоте, вернется — проверит. Когда вернется — не сказала.

— А что ж делать-то теперь, ваша милость? — в недоумении спросил констебль Биркин, обращаясь к барону.

Уильям на мгновение задумался, а потом с тем же вопросом в глазах почему-то повернулся ко мне. Я пожала плечами:

— Время уже позднее, сегодня оставим все как есть, а вот завтра попробуем разобраться с Горди Свон.

— Дак она все чушь какую-то городит. А на дыбу вы ее не позволяете, — недовольно проворчал Биркин. — Как с ней разбираться-то?

Отец Далмаций с любопытством поинтересовался:

— Ты что-то придумала, дочь моя?

— Ничего сверхъестественного. Придем в тюрьму, объявим Горди, что ее покровительница сбежала, бросив ее на произвол судьбы. Лорд припугнет нашу несостоявшуюся отравительницу пытками, а потом наоборот посулим ей какой-нибудь «пряник», глядишь, и раскол... расскажет она нам, что это за мужчина такой, а если повезет, то и как найти мою тетю.

Мужчины переглянулись. Кажется, игру в доброго и злого полицейских они тут пока не практиковали. Ничего, научим. Может, даже постепенно внедрим более гуманные методы раскрытия преступлений, а то все дыба и дыба, никакой фантазии!

На следующее утро мы в полном составе собрались в помещении городской тюрьмы. В Ланде, в отличие от многих других небольших городков, темница располагалась не в подвалах ратуши и не в замке лорда, а была пристроена к зданию гильдейского суда. К нашей удаче, сегодня под дверями еще не успели собраться представители клана Свонов, умоляющие об освобождении Горди, так что все должно бы-

ло пройти относительно тихо и быстро.

Понадобился небольшой инструктаж с моей стороны, чтобы соратники поняли, что от них нужно. Собственно, не требовалось ничего такого, просто немного усилить драматизм ситуации в надежде на то, что Горди все же не робот, и эмоции в конце концов возьмут над ней верх. Отец Далмаций вздохнул: «Ох, Альциона, вот же ты напридумывала», но согласился помочь, так как понимал, что иначе в дело все-таки пойдут пытки (увы, в этом мире до гуманистических ценностей еще далеко), а он, как и я, был сторонником мирного решения вопросов.

Первым к Горди пришел охранник. Он спустился в подвал, и стукнул дубинкой по решетке камеры, где в углу на ворохе сена спала очень уставшая за эти дни, измученная сыростью, мышами, отсутствием привычной гигиены и полным неведением женщина.

— Эй, Свон, просыпайся! — крикнул он. — К тебе священник идет.

Горди заворочалась, приподнимаясь.

— Что? Кто идет? — сонно пробормотала она.

Волосы ее были не прибраны, от одежды пахло потом, а под ногтями скопилась черная грязь. Если на то, чтобы попить и ополоснуть лицо, воды из выделяемого на день ведра еще как-то хватало, то на прочие омовения уже нет.

— Священник, — рыкнул охранник. — Освящать тебя

будет. В последний путь.

— Что?!

Глаза у Горди мгновенно распахнулись, став похожими на две огромные плоски.

— То и есть, — буркнул он, бренча ключами и отпирая дверцу решетки. — Входите, отче.

В темницу, пригнувшись, шагнул отец Далмаций. Дверца за ним тут же была заперта обратно, а Горди вскочила на ноги, ошалевшим взглядом уставившись на священника.

— О-отче, — пролепетала она, — вы тут з-зачем? Неужели правда... Но я... я ничего не делала. Меня даже не судили. Я...

— Дочь моя, — тихо, но внушительно произнес отец Далмаций, — в день венчания леди Альционы и сэра Дримия Столгейта я сразу понял, что с невестой что-то не так. А лекарь его милости барона Эстли подтвердил, что девица опоена дурманом. Мы не стали тогда кого-то обвинять, но позже ты попалась на том, что пыталась еще раз отравить юную мистрис Блейз. Поверить в рассказанную тобой историю оказалось совершенно невозможно, а тут еще и леди Альциона наконец нашла подлинное завещание своего отца, заверенное, как полагается. Теперь все ясно. Нечестивая госпожа Морвейн твоими руками и руками еще одного сообщника пыталась сжить со свету собственную племянницу...

Горди вздрогнула и безотчетно прижала руки к губам. Несколько секунд она стояла в замешательстве, а затем тихо

прошептала:

— Девочка нашла завещание?

— Истинно так, дочь моя, — подтвердил отец Далмаций.

— Но я... но... — Нешуточная опасность заставила шестеренки ее мозга закрутиться с бешеной скоростью, а зрачки пугливо забегать. — Отче, я не виновата! Вы позовите мистрис Морвейн сюда, пусть она все скажет, она скажет, что я тут не при чем!

В конце фразы голос Горди все-таки не выдержал и сорвался на фальцет.

Отец Далмаций покачал головой:

— Это невозможно, дочь моя. Госпожа Гленис Морвейн вчера исчезла из города. И мужчину того, чье настоящее имя ты якобы не знаешь, тоже уже не найти. Так что господин барон судил это дело и принял решение казнить единственную виновницу, которая нам известна. Тебя.

— Казнить?! — взвизгнула Горди, мгновенно белея лицом.

— Поэтому, дочь моя, встань со мной на колени, помолимся, а потом я помажу тебя священным елеем и приготовлю в последний путь.

— Но... Отче! Помилуйте! Я... О, Боже всемогущий! Но она же обещала...

Женщина схватилась за сердце.

— Святой отец, вы там закончили? Что-то долго копаетесь, — прозвучал возле решетки недовольный басок кон-

стебля Биркина. — Дайте я уже зачитаю этой курице безмозглой указ, да и отведем ее на площадь. Там уж виселицу поставили, зеваки собираются, торопят.

— Я сам зачитаю, — раздался из-за спины констебля суровый голос, на сей раз принадлежавший барону Эстли. — Эта негодяйка посмела покушаться на жизнь моей невесты, и к тому же занималась черным колдовством, варила страшные зелья. Смерть на виселице для нее слишком милосердна. Пусть ее сожгут живьем на костре, как ведьму!

И тут Горди Свон наконец-то не выдержала.

— Ваша милость! — закричала она, падая на колени. — Я никого не пыталась убить! И колдовством не занималась вовек! Помилосердствуйте! Это все мистрис Морвейн! Это она!

— Тише-тише, дочь моя. — Отец Далмаций погладил насмерть перепуганную женщину по плечу. — Видишь ли, Горди, мистрис Морвейн здесь нет, и мы не знаем, как ее найти. Может, заполучив главную виновницу отравления, господин барон бы и сжалился над тобой, но... — И он сочувственно развел руками.

Взгляд Горди метнулся к грозному Уильяму Эстли, затем к скалящемуся констеблю и снова вернулся к священнику.

— Я знаю, где ее искать, святой отче, ваша милость... Я знаю! Я все расскажу! Расскажу, как все было. Только помилуйте меня, ради Господа нашего!

Отец Далмаций выдержал паузу, а потом солидно и строго

произнес:

— Горди Свон, ты должна сказать всю правду. Не очередную гнусную ложь и не всякие твои придумки. Не ври, не пытайся обелить себя, просто поведай, что случилось. Мы и так уже многое знаем и не потерпим обмана. Только правдой ты сможешь спасти свою жизнь.

— Д-да, отче, — закивала Горди. — Я расскажу всё!

Глава 6

Возвращаться в собственное сознание было мучительно. К моим болезненным воспоминаниям добавились еще одни. И тоже, видимо, теперь уже «мои». Во всяком случае, я ощущала их как немного отстраненную, но все же часть себя.

Честно говоря, первым порывом захотелось выскочить из церкви, схватить за грудки госпожу Морвейн и как следует навалить ей, а затем безо всяких сантиментов сдать шерифу или лорду для справедливого суда. Однако на смену этому чувству тут же пришел калейдоскоп из массы иных чувств. Внутри меня словно совершалось извержение вулкана, из глубины подсознания поднимались все пережитые ощущения и извергались наружу, в незащищенный разум...

Животный ужас от того, что я, Мария Павловна Анисимова, плоть от плоти своего века и своей страны, каким-то мистическим образом оказалась в далеком прошлом совершенного другого государства, а то и мира. Все еще свежие муки от предательства и утраты человека, которого я любила. Переживания — как же там без меня будут родители и Олечка. И совершенно новая боль, боль девушки Алли, лишившейся своих родных, свободы, а теперь и жизни.

На несколько минут я вдруг потеряла всякую ориентацию в пространстве и времени, тело затрясло крупной дрожью, а из горла вырвался мучительный, нечеловеческий стон. По-

казалось, что сейчас я просто взорвусь от «магмы и пепла» этого внутреннего вулкана. Но потом...

Теплая волна пришла от макушки, на которой все еще покоилась длань священника, и постепенно затопила меня всю. И было в этой волне столько утешения, заботы, любви и поддержки, что я ощутила, как сверхъестественным образом успокаиваюсь. Вдох, другой... Мои чувства обретали равновесие, разум — опору, а сама я — понимание, что все произошло так, как должно.

Да, невозможно. Да, запредельно. Но... предопределено. Мое появление здесь было предначертано. И случилось не раньше и не позже назначенного срока. Не я назначала этот срок, да и выбора особого мне не дали, однако то, что со мной произошло, произошло не из каких-то козней, зла или недобрых намерений. Наоборот. Меня спасли.

Там, в своем мире я умерла. Теперь это стало очевидно. Кажется, у меня был ранний инсульт. Но Кто-то бесконечно высший и мудрый знал, что и как случится, и дал мне второй шанс. Этому Кому-то и молился сейчас отец Далмаций. И у меня возникла робкая надежда...

Несмотря на очевидную молодость тела Альционы, в котором теперь находилась моя душа, я не ощущала его как чужое. Я еще не видела своего лица, но руки и все остальное... примерно так я и выглядела, когда была подростком. Это были мои пальцы, моя фигура, и даже линии на руке казались очень похожими. Разве только волосы существенно

отличались от родных.

А это значило, что, возможно, Альциона — мой двойник в этом мире. И если всё так, то...

Мне никогда не была присуща религиозность, но сейчас, после всех невероятных событий, я не колебалась.

«Бог, которому молится отец Далмаций, пожалуйста, услышь меня, — мысленно позвала я. — Я все понимаю и... принимаю. Только... прошу Тебя, пожалуйста, покажи мне кое-что... Я должна знать. Это очень важно...»

Окутывавшая меня теплая волна на мгновение замерла, и тут же всколыхнулась снова. На сей раз перед моими глазами появилась другая картина. Из моего мира.

...Мария Анисимова, прижимая ладонь к голове, медленно поднялась на кровати и ошарашено огляделась вокруг. Несколько минут она просто сидела, тупо глядя в одну точку, а потом осенила себя круговым знамением. И с этого мига вошла в новую для себя жизнь...

«Надеюсь, тебе тоже все про меня показали, — слабо улыбнулась я. — И ты разберешься со всей этой сложной бытовой техникой. И с моей прошлой жизнью. Мы обе не справились в своих мирах. Но, быть может, справимся в других. А иначе зачем нам подарили этот шанс? Береги моих родных, а я тут разберусь с твоими. Живи, Алли. И я тоже буду жить. И пусть на сей раз у нас с тобой все получится».

— Спасибо, — пробормотала я вслух, обращаясь то ли к Богу, то ли к священнику.

И едва произнесла слово благодарности, как внезапно вернулась в реальность. Свою невероятную реальность в этом мире.

— ...во имя Господа нашего всемогущего. Аминь, — завершил молитву отец Далмаций.

Он отнял ладонь от моей головы и внимательно всмотрелся в лицо.

— Все хорошо, Альциона?

Я глубоко вздохнула. Что должен чувствовать человек, за несколько минут проживший еще одну жизнь, осознавший, что миром правит Высшая сила, и сумевший принять самое невероятное событие, которое, по всем его прежним представлениям, не могло произойти?

— Теперь хорошо, отче, — негромко ответила я и подняла на него глаза.

Священник кивнул, тоже заметно успокаиваясь.

— Да, вижу, тебе уже лучше, даже щеки порозовели. Хочешь еще вина?

Я покачала головой.

— Скажите, я могу остаться здесь, в церкви, ненадолго? Хотя бы переночевать. Мне очень нужно прийти в себя и собраться с мыслями.

Отец Далмаций растерянно осмотрелся вокруг себя.

— Да, наверное. Тут есть комнатка, где обычно переоделяются или отдыхают служители. Она крошечная, но в ней можно постелить тюфяк. Ты... точно не хочешь пойти до-

мой? Я объявлю всем, что свадьба отменяется из-за болезни невесты, и ты сможешь спокойно вернуться к себе.

— Спокойно — не смогу. Там... много всего случилось. Сейчас просто не выйдет прийти домой.

Чуть нахмурившись, священник покосился в сторону двери.

— Мне не стоит лезть не в свое дело, но я вижу, что в моем нынешнем приходе не все ладно. Оставайся сегодня здесь, я принесу тебе еды и воды. А что касается остального... Если решишься рассказать, я готов выслушать. И попробовать помочь, если это в моих силах.

— Благодарю вас, отче, — с облегчением выдохнула я.

Глава 7

Прямо в одежде я устроилась на тюфячке, судя по ощущениям, набитом соломой, и укрылась тонким холщовым полотном, а затем, свернувшись в калачик, измученная всеми переживаниями, мгновенно отключилась.

Когда я вновь открыла глаза, то сначала не поняла: на дворе еще ночь или просто в комнатухе так темно? Окон в этой маленькой келье не было, так что я выползла в основной зал церкви и по сумеркам за мутными стеклами поняла, что рассвет пока не наступил. Вернувшись обратно, я села на свою импровизированную кровать на каменном полу, подобрала под себя ноги и задумалась.

Вчера отец Далмаций взял на себя самую трудную часть — объяснение с женихом, гостями и «моей» теткой. Внутри церкви он больше никого не пустил, сам вышел на порог и во всеуслышание объявил, что у невесты по причине непонятной болезни и сегодняшних волнений случилось временное помутнение рассудка, и ей нужен лекарь и целительные молитвы, а вот толпа людей ей сейчас совершенно не требуется. Да, даже родная тетушка не требуется. Свадьба на сегодня отменяется. Впрочем, и в будущем вряд ли состоится. Но, конечно, на все воля Господня. «А теперь, Горди Свон, может, ты наконец-то сходишь за лекарем?»

Насколько я могла слышать, за дверями церкви разрази-

лась форменная буря. Несостоявшийся жених орал, что такого унижения ему в жизни не приходилось переживать. Мало того, что подсунули незавидную невесту без достойного приданого, так она еще и бракованная оказалась!

Тетка кричала в ответ, что все в порядке, подумай, на денек свадьбу отложили, как только девчонка выйдет из церкви, тут же получит порцию воспитательных розог... в смысле, бесед, быстренько научится слушать старших и выздоровеет заодно. Ах, сэр Столгейт уже передумал на ней жениться? Да как он смеет?! Девица принадлежит к благородному рыцарскому роду. Ну и что, что болезная и без пени за душой! Зато какая родословная!..

В какой-то момент я просто перестала во все это вслушиваться. Вскоре отец Далмаций вернулся, ведя с собой невысокого щуплого старичка, за плечами которого болталась внушительная матерчатая котомка. Старичка мне представили как медикуса Киана Хилери, и сообщили, что он служит у барона знахарем. Я невольно улыбнулась, потому что его фамилия явно говорила о том, что «медикус» унаследовал семейное дело[1].

Я решила не препятствовать осмотру. Да, меня воскресили и, похоже, избавили от последствий отравления, но доктор не помешает, тем более, Хилери выглядел опрятно и, в целом, внушал доверие. Хотя насчет уровня местной медицины меня терзали совершенно не смутные сомнения...

Впрочем, все прошло хорошо и даже с немного неожидан-

ными последствиями. Старичок пощупал мой пульс, испро-сил разрешения потыкать в живот, получил его, потыкал, за-глянул мне в рот, после чего захмыкал и попросил дыхнуть на него. Прямо как гаишник на посту. Я удивилась, однако просьбу исполнила.

— Мистрис Альциона, а вы пили нынче што-небудзь, окромя вина?

«Ну вот, посчитал меня алкоголичкой», — с иронией вздохнула я, но решила ответить почти честно. Я еще не разобралась, кому тут можно доверять, а кому нет, поэтому основную информацию о последних днях Альционы Блейз пока придерживала при себе.

— Я выпила какой-то травяной напиток перед выходом из дома. Вроде бы слуги говорили, что он укрепляет силы, а я в этом очень нуждалась, поэтому и сделала несколько глотков.

— И опосля гэтаго почуяли себя плохо?

Судя по проскальзывавшему местами акценту, лекарь был родом из Ирландии. Звучало это забавно, но здесь, в Уэльсе вообще наблюдалось полное языковое разнообразие. Дворяне, служители церкви, купцы и прочие образованные граждане были двуязычными, в основном разговаривали на языке «захватчиков» — английском, но могли легко перейти на валлийский. Крестьяне, разумеется, прочно держались валлийского. Плюс в приморском Ланде вечно ошивались пришельцы из самых разных стран: Ирландия, Кастилия, Португалия, Шотландия и так далее, — добавляя изобилия акцен-

там и наречиям. Альциона, а теперь и я вслед за ней, знала оба основных языка Уэльса и могла разобрать практически любой акцент.

На конкретном примере это выглядело так: мы с отцом Далмацием и госпожой Морвейн общались между собой на английском, но при обращении к Горди Свон и священник, и моя тетка переходили на валлийский. Так же дело обстояло с сэром Дримием Столгейтом — с ним мистрис Морвейн ругалась на английском, и отвечал он на том же языке.

Лекарь ждал ответа, и я неуверенно пробормотала:

— Ну... да... Но я могла что-то перепутать с напитками. На столе стояло несколько кувшинов, а я пребывала в таком волнении...

— Хм-хм. — Медикус Хилери побарабанил пальцами по скамье, на которой мы сидели, и с непонятым выражением лица покосился на священника.

— Вы что-то хотели сказать? — спросил отец Далмаций.

— Могу я говорить с вами адкрыто?

Мы со священником переглянулись и одновременно кивнули.

— Мнится мне, девица выпила настойку дурману. Запах уж больно згодный. Но гэта вельми необычно. Адкуль тут могла взяться сия настойка? Об ней знает малое число людей. Разве што друиды с родины моей.

— Дурман? — тихо повторила я.

Что ж, теперь все сходилось...

[1] Healer (*англ.*) — целитель, лекарь.

Глава 41

По моей просьбе Горди вывели из камеры и усадили на жесткую лавку в отдельной небольшой комнатке на первом этаже здания. Там же расположились и все мы. Над обвиняемой нависли Биркин со своим помощником, напротив нее уселись мы с Уильямом, а рядом с женщиной, мужественно игнорируя исходящий от нее запах, примостился отец Далмаций.

Стучащей зубами Горди выдали большой ломоть хлеба с сыром и кружку эля для успокоения нервов. После скудной тюремной кормежки ароматный хлеб показался ей настоящей амброзией, а алкоголь и вовсе привел в состояние легкой эйфории.

Вот теперь она готова была сдать всех сообщников с потрохами. Что, в общем, и проделала. Рассказ, правда, начала издалека — подозреваю, для того, чтобы разжалобить слушателей историей своего тернистого жизненного пути. Ну, что ж, он и впрямь не был легок.

О том, что ее дедушка — настоящий друид, Горди О'Брэнли узнала, когда ей исполнилось пять. Ей, конечно, говорили, что их семья родом из Ирландии, но для девочки название этой страны долгое время было пустым звуком, ведь она родилась здесь, на земле Уэльса, и ее мать была чисто-

кровной валлийкой. Лишь выбравшись из-под плотной материнской опеки, Горди открыла для себя огромный новый мир, который показал ей ее дед Кормак О'Брэнли.

В этом мире жили вечно юные кельтские боги, злые и добрые духи, таинственные фейри и конечно мудрые друиды. Друиды служили богам и людям, они изучали дарованную богами природу — до каждого листочка в лесу и каждого камешка на дороге, — знали, откуда завтра подует ветер и что он с собой принесет, собирали травы и понимали, как их лучше применять. Люди приходили к ним за наставлением, утешением, пророчеством и лечением — и получали все это. А также — грозный суд и неумолимое наказание для провинившихся.

Мама Горди, возвращенная матерью-церковью, вдалбливала в голову дочери, что все это осталось в далеком прошлом и сейчас больше нет тех овечьих мифами друидов, но девочка видела, что по крайней мере в дедушкином мире они есть. Ведь, по его словам, он был одним из последних их представителей.

Горди полюбила ходить с Кормаком О'Брэнли в лес и слушать о целебных свойствах трав, корней, цветов и ягод. Целыми днями она с упоением разбирала и сушила принесенные растения, а затем училась делать из них настойки и отвары. За лекарствами деда потом приходили не только жители их деревни, но и всех окрестных поселений.

Лишь спустя несколько лет до Горди начало доходить, что

травное дело может быть опасным. Опасным во всех смыслах. Например, иногда дедушка рассказывал о ядовитых растениях, о том, как можно с их помощью одурманить или убить человека, о том, как нужно работать с ними, чтобы не погибнуть самому. И хотя на памяти Горди он ни разу не продал и не подарил кому-либо подобную настойку, бывало, что люди приходили и спрашивали у него запретные травы, а некоторые, не получив желаемого, кидались на деда с кулаками и пытались силой заставить его выдать им «зелье».

Однажды к Кормаку О'Брэнли явился слуга из замка местного лорда, англичанина. Слуга долго юлил и говорил намеками, но в конце концов стало ясно, что он просит «незаметного яда», который понадобился его господину. Друид прогнал его, однако, едва тот скрылся из виду, вздохнул, весь ссутулился и тяжело опустился на лавку.

— Беда пришла, Горди, — сказал он тихо. — Может, и отведут боги, но лучше я уйду сейчас, дабы не искушать.

— Кого не искушать? — переспросила девочка. — Богов?

— Недобрых людей в богатых одеждах. Сегодня я отказал посланнику очень знатного человека. Боюсь, он не оставит меня в покое и будет требовать подчинения. А поняв, что я не стану ему помогать, захочет навсегда закрыть мне рот, ведь я знаю, что он задумал.

Горди было уже шестнадцать, и она понимала всю серьезность ситуации, поэтому не стала задавать глупых вопросов. Спросила только одно:

— Куда же ты пойдешь, дедушка?

— Лес приютит меня, — коротко ответил старик.

После его ухода прошла пара недель — и в дом О’Брэнли ворвались стражники. Не найдя деда, они перевернули все вверх дном и страшными побоями выбили из домочадцев признание, что Кормак скрывается в лесу, хотя никто и не знал, где именно.

Через несколько дней люди лорда пришли снова. Они вытащили всю семью на поляну рядом с деревней, где уже была возведена виселица и собрался испуганный деревенский люд. А потом к виселице приволокли избитого хромящего старика, одетого в серое рубище.

— Дедушка... — прошептала Горди.

В тот день Кормак О’Брэнли погиб на глазах своих близких...

Затем стражники приказали всей семье убираться прочь с земель лорда, и жизнь Горди больше никогда не была прежней.

Поскитавшись по Уэльсу, семейство осело в бедном поселении возле гор. Там Горди вышла замуж, на следующий год родила сына и продолжила заниматься травным ремеслом. Но муж ей попался непутевый — и сам толком не работал, и все, что приносила в дом жена, предпочитал тратить на выпивку, петушинные бои и всякую ярмарочную дребедень, которую никто потом не понимал, куда девать.

Закончилось это предсказуемым образом: однажды он до-

пился до невменяемого состояния и случайно поджег дом. Горди выскочила оттуда в чем была и едва успела спасти ребенка. Ее муж выбраться не смог.

На время Горди приютили родители, но жили они в такой беспросветной нищете, что женщина в конце концов предпочла взять сына и отправиться на поиски лучшей доли. Так она попала в семью Джозефа Свона.

Настрадавшись от бедности и постоянного голода последних лет, Горди решила, что уж теперь сделает все, чтобы новый этап ее жизни стал полной противоположностью прошлому. Быстро поняв, что портновское дело мужа и ее травяные умения будут весьма востребованы в городе, Горди начала настаивать на переезде семьи в Ланд. Однако долги Джозефа и ее деверя мешали осуществлению столь желанных планов. Помог же случай...

Однажды к ней обратилась женщина с просьбой дать «каких-нибудь травок, чтобы ребеночка в утробе не было». И была эта женщина вовсе не простая, а младшая сестра местного лорда. Горди хотела уже привычно отказать, да только посетительница вдруг расплакалась.

— Не могу я больше, не могу! Уж одиннадцатый это. С десятым-то едва Богу душу не отдала, а этот точно в могилу меня сведет. Я чувствую, что не выдержу, знаю... А как же остальные деточки? Их растить надо, а муж мой только и делает, что с братцем пьет да потаскух обхаживает. Помогите мне, травница! На коленях умоляю, помогите! Нет сил моих

больше! И не будет на тебе греха — все на себя беру! И денег дам, сколько скажешь, только спаси меня!

Горди смотрела на рыдающую женщину и не знала, что делать. С одной стороны, помочь ей — значило бы предать заветы деда. С другой, она видела, как измучена эта богатая, но явно несчастная особа. С третьей, деньги нужны были как никогда. И тогда она наконец решилась...

Вслед за сестрой лорда пришла ее подруга, тоже небедная женщина. Этой, к счастью, потребовалось не вытравить плод, а наоборот исцелить ребенка от падучей.

— Уж и кровопускание делали, и каленым железом кожу прижигали, а все не помогает, — жаловалась просительница.

— Господи Всемогущий! — травница совершила круговое знамение. — Да какое ж кровопускание при падучей-то! Приду я к вам. Только травы надо собрать нужные.

И Горди действительно смогла успешно снять следующий приступ эпилепсии у мальчика. Для этого ей потребовались валериана, ромашка и... белладонна. Горди мысленно поблагодарила дедушку за то, что тот хорошо обучил ее в свое время — теперь она могла до травинки рассчитать нужную дозу, чтобы белладонна оказалась лекарством, а не ядом.

Оставив радостной матери указания и лекарства насчет следующего приступа, женщина получила на руки очередную кругленькую сумму и отправилась домой считать прибыток.

Слух о спасении ребенка распространился с быстротой

молнии, и в течение следующего месяца Горди не знала недостатка в заказах. Так она смогла помочь мужу быстро собрать нужную сумму и закрыть все долги перед лордом и гильдией. Семейство Свонов двинулось в Ланд.

В городе они устроились лучше, чем прежде. Братья Своны портняжничали, а Горди продолжила заниматься знахарством. Что греха таить, деньги она любила и сомнительные заказы теперь тоже принимала, но все же ничего, приведшего бы к гибели человека, не делала. Правила жизни Кормака О'Брэнли по-прежнему были ей дороги хотя бы как память.

Госпожу Гленис Морвейн она, конечно, знала, и пару раз пыталась подкатить, чтобы предложить свои услуги травницы. А что, серебро у мистрис имелось, хвори какие-нибудь наверняка — тоже. Почему бы ей и не дать Горди заработать? Однако та держалась особняком, обдавая всех, включая пронырливую жену портного, высокомерным холодком.

Но примерно год назад все изменилось. Мистрис Морвейн вдруг сама вспылала интересом к Горди Свон и даже принялась приглашать ее в дом Блейзов в гости. Травница решила, что госпожа Гленис хочет воспользоваться ее услугами для себя, но позже стало ясно, что объектом для «лечения» выбрана юная леди Альциона. Догадавшись, чего от нее хочет мистрис Морвейн, Горди поначалу отказалась, ведь дело пахло уж очень дурно. Однако та, поняв, что скромными суммами женщину не убедишь, зашла с козырей — рассказала ей про золотой рудник.

Слаба была Горди на такое, ох, слаба. Но даже обещанная доля (пусть крошечная, однако все равно грозящая принести огромные деньги) не убедила травницу взяться за такое — и страшно, и совесть в сердце стучит.

Да только никто ее в покое не оставил. Не сумев соблазнить Горди «пряником», мистрис Морвейн пустила в ход «кнут». Однажды темным вечером высокий здоровенный мужчина объяснил маленькой пухленькой травнице, что если она не подчинится приказу госпожи Гленис, то ее приемный сын лишится какой-нибудь важной части тела, а может, и всей жизни. Если и это не поможет, пострадает Джозеф...

Мужчина был весьма убедителен в своих угрозах, и Горди ничего не оставалось, как только согласиться. Возможно, был и другой выход: бежать из Ланда всей семьей, — но, конечно, никто из Свонов не стал бы бросать налаженную и комфортную жизнь, так что она, помолившись, взяла этот грех на душу. Лишь вытребовала с госпожи Гленис обещание, что та ни в коем случае не будет превышать дозировку и не убьет Алли ненароком, а после того, как заполучит возделенный рудник, и вовсе перестанет давать племяннице дурман.

С этого момента Горди превратилась в теткину пособницу, и постепенно узнала много интересного...

То, что отец Грегори тоже в доле, стало понятно очень быстро — иначе было не провернуть махинацию с завещанием. Он помог выправить дату в документе и согласился

подтвердить в случае чего истинность завещания перед королевскими властями. Он же должен был заверить брачный договор между Альционой и ее женихом, по которому земли с рудником отходили опекунше девушки.

— Так кто же этот лиходей-то? — спросил отец Далмаций, когда Горди прервала свой рассказ, чтобы хлебнуть эля по причине напрочь пересохшего горла.

— Дык полюбовник ее, — ответила наша пленница, кажется, уже немного захмелевшая. — Зазнобушка мистрис Морвейн. Она для него все сделать готова.

Глава 42

— А знакомы они давнехонько, еще до возвращения госпожи Морвейн в Ланд знали, это точно, — охотно продолжила Горди. — Бывалоча при мне об этом вспоминали. Мол, мистрис как супружника схоронила, не стала с его семьей жить, уж очень ее там не любили, и вернулась в дом родной, к брату. Но и здесь не прижилась: не нравилось ей, что теперь хозяйка тут не она, а госпожа Блейз, матушка ваша, леди Альциона. Так что подалась она к какой-то родне далекой жить, там вот и встретила любовь свою. Это уж годов пятнадцать тому назад было.

— Дык как зовут-то любоддея греховодного? — бесцеремонно прервал ее констебль, постукивая дубинкой по ляжке.

— Зовут... — травница снова потянулась за элем. — При мне мистрис его родовое имя никогда не называла, только личное. Прямо так и просила: обращайся, говорит, к нему «господин Вейл» и никак иначе. А недавно вот — как раз перед тем, как на юную леди напасть велела — я случайно разговор ее с ним услышала и все знаю теперь. Кличут его, стало быть, господин Вейл Ричардс. Он навряд из благородных, но бедных. Слышала я, он раньше по турнирам рыцарским ездил, чтобы славу снискать да деньжат заработать, и еще к лордам разным в отряды нанимался. Странствовал, в общем, да только не вышло у него подняться повыше и до

рыцарского достоинства дослужиться.

— Вейл... Ричардс, — Уильям задумчиво наклонил голову. — Как будто что-то знакомое.

Он перевел взгляд на Биркина, затем на меня, но мы с констеблем ничем не смогли ему помочь. В памяти ничего не всплывало.

— А что ж мистрис за любовника своего замуж не пошла? — спросил Биркин. — Чай, они давно уж вместе. Иль не звал?

— Не звал, — подтвердила Горди. — Он и не собирался поначалу-то. А потом узнал про рудник и сказал, что женится на мистрис Морвейн, когда рудник полностью ейный будет. По-иному не соглашался. Но она за господина Вейла крепко держится — все ему обещала, лишь бы с нею был. Он ведь не старый ищю, годков эдак на двенадцать ее моложе. А как знакомились они, ему и вовсе немногим за двадцать было.

— Ого! — присвистнул констебль.

Да и мы удивились вслед за ним. Тетушке моей, почитай, пятьдесят сейчас, значит, этому Вейлу Ричардсу лет тридцать восемь, не больше. А пятнадцать лет назад он вообще юнцом был. И смотри-ка, уж сколько лет с теткой вместе остается! Вот что жадность с людьми делает... Хотя, может, и правда любовь у них. Ну, вот такая странная, на деньгах построенная.

Горди в ответ на изумленные возгласы покивала и про-

должила:

— Как мистрис Морвейн опекуншей для леди Альционы стала, так и господин Ричардс поближе к Ланду перебрался. И начали они рудником по-тихому заниматься. Так-то все понимают, нельзя прииск трогать, он же закрытым почитается. Ежели узнает кто и доложит, так сюда тут же королевские слуги набегут, а госпожа Морвейн не хочет с ними дел иметь, пока вся та земля ей не отойдет. Вот как она ее заполучит, тогда уж можно развернуться, а иначе слишком многим делиться придется и с короной, и с племянницей. В общем, они пару работников, из тех, что еще при сэре Мордред Блейзе были, оставили да наказали им, чтобы те жилу разрабатывали, но опасливо и сторожась всего. И деньжат с этого дела имели и со мной и отцом Грегори тоже делились. А потом-то уж хотели развернуться на полную.

— Значит, они добывали золото, не отчисляя ничего в казну? — поднял бровь барон.

— Как есть ничего. Но там совсем мало было. Ни мистрис Морвейн ни господин Ричардс особливо не торопились никуда, осторожничали. А как работник один у них там проказничать начал да золота больше себе требовать, иначе, мол, расскажет все, так и пропал он тут же. Никто его больше не видел у нас в Ланде. Другого какого-то наняли, молчаливого.

— Пропал, как и отец Грегори? — переспросила я.

Тут Горди испустила вздох, способный слуть с места слона.

— Ох, юная мистрис, а с отцом-то Грегори такой грех вышел, такой грех... — неожиданно травница пустила слезу. — Расскажу все, раз обещалась, но знайте, не причастна я к этому злодеянию окаянному, никак не причастна. Ни госпожа Морвейн, ни господин Ричардс ничегошеньки мне о том не говорили, это я случайно их подслушала, так что теперь и сама не рада...

То, что рассказала Горди, мы и так уже подозревали, но все-таки подозревать и знать точно — разные вещи.

Отец Грегори, поначалу довольствовавшийся небольшим подачками со стороны госпожи Морвейн, со временем вошел во вкус и захотел себе долю побольше. И когда по просьбе тетки он подготовил мою свадьбу с незабвенным сэром Дримием Столгейтом, то прибег уже не к осторожным намекам, а к откровенному шантажу. Мистрис Морвейн ответила, что им необходимо побеседовать втроем, так как она не может принимать решение, не учтя мнение ее жениха, господина Ричардса, и вызвала священника на вечернюю встречу вблизи рудника. Там, в небольшой хижине возле прииска, в последние недели жил ее любовник, чтобы лично контролировать процесс добычи, так как рабочим он не доверял.

Святой отец отправился на разговор в горы — именно тогда его успели заметить некоторые жители Ланда, — но ни о чем они с Вейлом Ричардсом так и не договорились. Их спор перерос в драку, а где уж было щуплому священнику тягаться с рослым и крепким мужчиной. Один неловкий удар в ви-

сок — и вот уже отец Грегори лежит на полу хижины без дыхания.

Осознав, что они наделали, мистрис Морвейн и ее женишок не растерялись, а скинули тело в глубокую узкую расщелину в горах. Там несчастного священника никто бы не нашел вовек. Грех, конечно, понесли они на себе страшный, но господин Ричардс уверил мою тетку, что все к лучшему: нет лишнего свидетеля — им же спокойней.

После этого рассказа все присутствующие, включая Горди, не сговариваясь, осенили себя круговым знаменiem. Преступление Вейла Ричардса, пусть даже совершенное по неосторожности, было тяжким, его точно ждала виселица. Да и тетя моя недалеко от него ушла...

Тут я кое-что вспомнила и поинтересовалась у травницы: — Значит, еду из дома тетушка таскала для жениха своего? Раз он на руднике в последнее время жил. Вряд ли она с корзиной этой по семьям бедным ходила, как меня кухарка наша уверяла.

— Для него, леди, все для него, — закивала Горди. — Ну еще и работникам на руднике перепадало. Они там же, в горах, жили. Изредка только в город приходили. Она ведь их подобрала таких, чтоб ни семьи, ни родных не было — проболтаться им тогда особенно некому.

— А как ты с этим убийцем нечестивым, шоб ему черти огонь в глотку лили, ввечеру на леди Альциону напала? Ну-ка Расскажи нам! — прорычал Биркин, снова выразительно

помахивая дубинкой.

— Простите меня, добрая леди! — Горди вскочила с лавки и тут же повалилась мне в ноги. — Не хотела я, Бог видит, не хотела! Да только мистрис Морвейн боялась, что вы в Каэр Аберсейн поедете, а там вашу старую няньку отыщете. Говорила, что нянька Магда завешание видела, так что вы все узнаете, его милости барону расскажете, и придет нам всем конец. Вот она и заставила меня опять вас дурманом опоить. Понимала, что больше вы по своей воле пить ничего из ее рук не станете, так что еще и господина Ричардса позвала, чтоб он вас силой удержал, ежели чего. А сама так хитро все устроила: слугам в доме на тот вечер увольнительную дала, а кто не хотел уходить, тех с поручениями куда-нибудь отправила. Ваш работник дворовый, Льюисом звать которого, она ему больше всех доверяла, всегда приплачивала за поручения разные, он помогал ей во всем, вот и в ту ночь служанку вашу из дома выманил да разговором удерживал, чтобы она раньше времени не вернулась. Так все и случилось.

— Что она сказала, когда тебя констебль поймал? — спросила я, не торопясь поднимать травницу с колен. — Велела, чтобы ты всю вину на себя приняла?

Горди подняла глаза, но тут же потупилась.

— Да, юная мистрис. Сказала: «Я тебе долю отца Грегори пожертвую, только ничего обо мне и господине Вейле не говори. А я потом из темницы тебя вытащу, уж будь спокой-

на». Чего ж мне оставалось делать? Боязно было всю правду-то рассказать...

— ...и золото никогда не лишнее. Всё ясно.

— Помилуйте меня, леди, помилосердствуйте. Не по своей воле я на это пошла. Хотя и выгода моя была, не отрицаю, да только не ради нее, а из-за страха за семейство свое я грешить против вас начала. Милости у вас прошу ради Господа нашего!

И травница, всхлипывая, вновь стукнулась лбом об пол.

— Дочь моя, ты знаешь, где сейчас скрываются мистрис Морвейн и этот господин Ричардс? — подал голос отец Далмаций, похлопывая Горди по спине.

— Я-то думала, госпожа свое обещание исполнит да не оставит меня в тюрьме, — размазывая сопли под носом, говорила та. — Но, видать, испугалась, что вы все знаете тепереча, и сбежать решила. Сначала, как пить дать, на рудник она подалась, чтобы там все следы замести, а потом они с господином Ричардсом наверняка в дом его поедут. Есть у него имение небольшое где-то в Гвинеде, от Ланда полтора дня пути, на землях некой вдовой баронессы, ежели я верно слышала, но имени ее не ведаю.

— Что ж, — барон поднялся на ноги, удрученно качая головой, — Биркин, уведите Горди Свон обратно за решетку. Кормите ее хорошо и не обижайте. Потом решим, что с ней делать. А пока надо нашими беглецами заняться.

Глава 8

Медикус еще порасспрашивал меня о симптомах, но отвечала я осторожно, мол, да, голова кружилась, сознание мутилось, ориентацию немного теряла, а вот сейчас вроде все прошло. Киан Хилери предположил, что настойки я выпила совсем немного, поэтому и выветрилась вся дрянь из организма быстро, однако глядел он на меня по-прежнему с сомнением, подозревая, что я чего-то не договариваю.

Так оно и было, конечно. Но я все-таки сначала хотела сама разобраться в происходящем, поэтому решила повременить с разоблачающими признаниями. Госпожа Морвейн явно что-то мутила с завещанием. И не совсем понятно было, зачем ей сбагривать племянницу замуж. Убивать Альциону она вроде не собиралась, если судить по тем словам, которые я краем уха услышала от Горди Свон. По крайней мере, до того, как она... то есть уже я стану замужней женщиной. Женщина просто не рассчитала дозу.

Дурман обладает свойством подавлять волю. Похоже, именно это и требовалось Гленис Морвейн. Она явно хотела, чтобы племянница, находясь под влиянием травы и настоячивых внушений, приняла предложение от сэра Столгейта и отбыла из родного дома к мужу. Но... зачем?

В общем, надо выяснить суть дела. Выведать у тетки, что там за аферу она пыталась провернуть, понять, как это вли-

жет на мое дальнейшее существование, а затем уж сдавать ее местным властям. Если же поспешить со смелыми заявлениями, я рискую попасть впросак. Ведь у мистрис Морвейн вполне могут быть заготовлены железобетонные отговорки и объяснения. Как тогда я буду выглядеть в глазах общества?

Пока я размышляла, лекарь достал из своей котомки холщовый мешочек с какой-то травяной смесью и вручил его мне с наказом заварить и попить пару дней, чтобы уж точно убрать все последствия отравления. Ну правильно, одна трава от другой — логичное средневековое лечение. Впрочем, в данном случае об этом можно было говорить без иронии, я действительно собиралась воспользоваться рекомендацией медикуса Хилери. Он произвел на меня впечатление человека как минимум разбирающегося в своем деле.

— Дурман — раслина опасная, запретная, — сказал Хилери нам напоследок. — Нельзя ее иметь дома. Мне бы надоть рассказаць пра гэта лорду.

— Не рассказывайте, пожалуйста. Разрешите мне самой разобраться в том, что случилось, — попросила я.

— Ты, уверена, Альциона? — спросил отец Далмаций. — Твоя тетя не могла не видеть, что с тобой творится нечто необычное, и все же настаивала на продолжении церемонии.

— Это... наше семейное дело, — аккуратно ответила я. — Но обещаю, что при необходимости сама обращусь за помощью к лорду.

Оба мужчины не без колебаний согласились пока молчать

о произошедшем, однако я мягко настояла на своем. Главное, что они знают о дурмане, а значит, при необходимости у меня будут свидетели. Но тузов из рукава доставать еще рано. На том мы с лекарем и расстались.

...И вот сейчас я сидела на соломенном тюфяке и прокручивала в голове все события предыдущего дня.

Что мне теперь делать?

Жить так или иначе где-то надо, не могу же я все время прятаться в церкви. А это означает, что я вернусь домой. Туда, где сейчас царит госпожа Морвейн. Как мне себя с ней вести? Пожалуй, самое безопасное — сделать вид, что я ничего не помню, а дальше, заручившись поддержкой священника, начать свое расследование.

Вариант прикинуться по-прежнему опоенной и послушной я с сожалением отвергла. Просто не смогу все время притворяться. Все же я не профессиональная актриса и не агент под прикрытием, чтобы постоянно играть роль и ни разу не выйти из образа. Да и терпеть разнообразные теткинны выходки не сумею, это как пить дать.

Итак, решено, возвращаем Альционе разум, но не память. Что дальше? Наверное, стоит восстановить все утраченные связи — с обитателями замка и с жителями Ланда. И привлечь на свою сторону всех, кого можно...

Я поднялась на ноги и снова вышла в главный зал, встав неподалеку у алтаря.

Так вот ты какое, божественное вмешательство! И суток

не прошло, а я уже ощущаю себя в этом мире, практически как в родном. Куда-то исчез страх, отделились воспоминания обо всей предыдущей жизни. И даже Димка... его образ будто потускнел, подернулся туманом, словно со дня неудавшейся свадьбы прошел не один день, а все двадцать лет.

Я чувствовала в себе желание жить и громадный интерес к этому месту. Из того, что я увидела глазами Альционы, становилось ясно, что я умудрилась попасть не просто в прошлое своего мира, а в какое-то его альтернативное отражение. История здесь, насколько я могла судить, двигалась примерно теми же путями, названия стран и имена их правителей были такими же, как и в привычном мне мире, но вот некоторые детали отличались кардинально.

Например, круговое знамение, которым осеняли себя люди. Почему-то — не крестное. Хотя Священное Писание вроде бы было таким же, как и в нашем мире, и понятия Креста и Распятия тут тоже имелись. Но вот поди-ка, здесь издревле пользовались кругом — как обозначением полноты Божества.

Или, скажем, одежда. По имени английского короля и происходившим в Уэльсе событиям я могла предположить, что время соответствует примерно нашему 14 веку. Однако наряды тут пестрели гораздо большим разнообразием. Мужчины не носили дурацкие обтягивающие шоссы, их штаны были гораздо больше похожи на нормальные портки здорового человека. Встречались и кюлоты, но тоже вполне при-

личного вида. А женщины не напяливали себе на голову странные головные уборы, ограничиваясь платками, легкими чепцами или вовсе естественной прической.

Ну и многое другое...

Мои размышления были прерваны скрипом открывающейся двери. Ключи от нее были только у отца Далмация — и действительно это оказался священник. Ночевал он у себя в домике, расположенном рядом с церковью, а поднялся, видимо, как и я, очень рано.

— Доброе утро, Альциона, — улыбнулся он.

— И вам, отче, — отозвалась я.

Что ж, пора было выходить на свет Божий.

В литмобе "Невеста без места" участвует роман Полины Ром, которая, конечно, в представлении не нуждается. Но если вы вдруг пропустили, то очень рекомендую к чтению ее "Венец безбрачия"! Увлекает с первых же строк!

<https://litnet.com/shrt/uuPb>

Глава 43

Несмотря на то, что мой дом теперь был свободен от тетки, я не стала спешить с возвращением туда. Во-первых, он все еще не казался мне безопасным местом, а во-вторых... ну, ладно, сознаюсь себе честно, мне нравится общаться с бароном. И смотреть на него нравится. И вообще он очень мне нравится, что уж тут.

Какой-то он неиспорченный, что ли. Казалось бы, на его долю выпали не самые легкие испытания: на его глазах погибли отец и брат, затем он вынужден был бежать в другую страну, а потом еще и рано принял на себя обязанности главы семьи. Однако не озлобился, не «осуровел», наоборот сохранил живую и открытую натуру, способную и радоваться, и сострадать — вон с каким азартом он кинулся помогать мне. Но при этом никто бы не упрекнул его в безалаберности или легкомыслии. Я уже успела увидеть, как Уильям управляется со своим замком и как кропотливо разбирается с делами баронства — он действительно вникал во все нюансы и решения принимал вполне взрослые и практичные.

В этом мире рано взрослеют. Но молодому барону удалось, повзрослев, не потерять свой юношеский задор и искренность. И самое главное, он был добрым и великодушным человеком (с поправкой на время, в котором я оказалась), а эти качества в мужчине я ценила, наверное, превыше

всего. Ну и... хорошо, честно, значит, честно: он был весьма красив и я откровенно им любовалась. Впрочем, и он — мной, кажется, тоже. Что меня, конечно, смущало, но и... весьма радовало.

В общем, после того как Уильям раздал приказы констеблю и своим подчиненным, мы вернулись в замок. Я все еще числилась его невестой и пока не спешила с разрывом помолвки, так что нареканий мы ни у кого не вызывали.

По дороге мы обсуждали дальнейшие планы. Барон примерно догадывался, где может находиться дом господина Ричардса, так как «вдовствующая баронесса» в Гвинее была одна — Лавиния Стедсон-Брук. Я этого имени не помнила, но Уильям, усмехнувшись, сказал, что у него не было шансов не запомнить эту даму, так как с момента его появления в Ланде он уже получил от баронессы три письма, причем все они содержали намеки на то, что у леди Брук есть прелестная дочурка шестнадцати лет от роду, и как было бы прекрасно им всем поскорее познакомиться. Углядев, что мои губы при этом известии как-то странно поджались, Уильям тут же свернул тему и перевел разговор на текущие проблемы.

Посоветовавшись с Биркином, он отправил двух его толковых помощников в земли баронессы с тем, чтобы они порасспрашивали людей и выяснили, где именно живет Вейл Ричардс. К самой баронессе было решено пока не обращаться, не хотелось впутывать ее в дела наших владений: и пото-

му, что мы до времени хотели скрыть факт существования рудника в горах, и потому, что тогда баронесса усилила бы матримониальные притязания к Уильяму, а он этого активно не хотел. Последнюю мысль он мне не озвучил, но это стало ясно, едва барон объяснил, кто такая эта Лавиния Стедсон-Брук.

А сами мы решили съездить в горы, чтобы посмотреть на прииск своими глазами. Была крохотная вероятность, что тетка с любовником еще могут быть там, но времени уже прошло слишком много, скорее всего, они разогнали работников, забрали золото и самое ценное и уже были таковы.

Точного местонахождения золотоносных карьеров Горди Свон не знала, поэтому после обеда в замке я вновь достала завещание, где довольно подробно было описан принадлежавший отцу участок земли в горах. Вычислив место, мы с Уильямом, не откладывая дела в долгий ящик, взяли с собой несколько слуг на случай, если вдруг понадобится защита, и верхом отправились на рудник.

Дорога сначала шла по лесистой местности, но по мере подъема деревьев становилось все меньше и наоборот все больше обнажался грунт и скальная порода.

— Это должно быть здесь. — Барон указал на довольно крутой склон, на котором виднелись остатки каких-то каменных сооружений.

Когда мы подъехали ближе, я присмотрелась внимательней и едва не присвистнула от удивления.

— А вот и римские акведуки! О которых мы тогда говорили, помните?

— Точно! — На лице Уильяма был написан практически детский восторг, едва он, как и я минутой раньше, разглядел характерные очертания строений. — И теперь совершенно ясно, как римляне добывали здесь золото. Думаю, если восстановить всю систему, то мы можем продолжить их дело. Правда, на это понадобятся люди и средства...

— А как именно они его добывали? — с любопытством спросила я.

Честно говоря, я мало что понимала в золотом промысле, все мои знания ограничивались рассказами Джека Лондона про то, как отважные первопроходцы пытались намыть драгоценный металл на Аляске с помощью одних только лопат и лотков. «Клондайк», «Юкон», «золотая лихорадка» — эти слова намертво врезались в мою память. И мне было очень интересно, как обстояли дела тут.

Насколько я знала, жилы зачастую выходили на поверхность вблизи рек, и тогда можно было искать золотой песок с помощью промывки. Здесь же река находилась чуть в стороне от прииска. В ней, вероятно, тоже можно было намыть золото, но римляне протянули акведуки сюда, значит, здесь по их расчетам находились основные залежи. Более того, если здесь искали драгоценный металл не только в открытой почве, но и устроили шахту, значит, тут помимо россыпного золота имелись и его вкрапления в твердой руде.

— Я расскажу вам, — отозвался барон. — Только сначала надо отправить слуг разведать не осталось ли кого-нибудь на руднике.

Он дал команду, и Джерри вместе с еще парой слуг начали взбираться вверх по склону. Вдалеке виднелась большая расселина в скале, и я подумала, что это может быть входом в небольшую шахту. Но с тем же успехом это могло оказаться и простой пещерой. Ладно, подождем и все узнаем.

Мы с Уильямом спешили и присели на огромный плоский валун, рядом расположились оставшиеся с нами слуги.

— Так вот, что касается римлян... — начал барон.

Глава 9

Священник вызвался проводить меня до дома, и я сочла это замечательной идеей. Госпожа Морвейн должна знать, что я теперь не одинока и как минимум один союзник у меня есть. Причем союзник непростой. Церковь здесь, как ей и положено, обладала непререкаемым авторитетом и влиянием, и пойти против ее служителя, означало навлечь на себя серьезные неприятности.

Мы с отцом Далмацием вышли за порог, но вместо того, чтобы идти прямо в объятия тетки, я вдруг сказала:

— Отче, вы не против, если мы пройдем краем моря? Я... у меня такое ощущение, что я давно его не видела.

Не могла же я сказать, что ЭТО море я вообще не видела ни разу в жизни. А меж тем, как типичный городской житель средней полосы, обожала любую «широкую воду».

Священник, если и удивился моей просьбе, то вида не подал, просто кивнул. Наверное, решил, что я таким образом оттягиваю момент встречи с неприятной родственницей.

И мы пошли.

Возможно, я выдавала себя с головой, но просто не могла не глазеть по сторонам. Я в Уэльсе! Я, которая за границей была ровно один с половиной раз (за целиковый отвечала Турция, куда мы выбрались с Димкой в прошлом году, а за половинку могла сойти очень давнишняя вылазка с Ольгой

в Финляндию на шопинговый день), теперь попала в настоящую всамделишную Британию. И я хочу видеть все! Кстати, тут ведь наверняка и принц есть... Уэльский! От этой мысли я развеселилась и чуть ли не вприпрыжку помчалась к скалистому берегу.

Зеленые каменистые холмы спускались почти к самой кромке воды, оставляя для пляжа лишь небольшую полоску. Солнце уже немного поднялось, и под его первыми лучами песок отливал розовым и золотым. Я замерла, вглядываясь в обширную гладь Ирландского моря, которое валлийцы частенько звали Мэнским[1]. Оно не выглядело тихим и ласковым, как Средиземное в Турции. Нет, это была суровая гэльская вода — глубокая, темная, таящая в себе грозные тайны и деревянные обломки разбитых кораблей. Мне так и грезилась вздымающиеся к небу волны, уставшие, залитые с ног до головы водой гребцы галерного судна и бородатый капитан в порванной рубаше, пытающийся перекричать шторм...

Но это была лишь минутная иллюзия. Аквамариновые волны с белыми барашками с легким шумом накатывали на берег, и буря сейчас нам не грозила. Мои плечи пригревало августовское солнце, а вокруг коленок колыхалась буйно разросшаяся трава.

Я отвернулась от моря и посмотрела в другую сторону — холмы вдалеке переходили в горы, над которыми в этот ранний час клубились плотные облака.

Мир. Мой новый мир. И он был прекрасен.

Однако теперь предстояло сделать так, чтобы его прекрасность распространялась не только на природу, но и на мое существование в целом. И я решительно направилась к *своему* дому. А отец Далмаций, любовавшийся морем вместе со мной, безропотно пошел следом.

Миновав ворота, я ступила во двор, который помнила памятью Альционы. Забор, хлев, домик для слуг и... «господское» здание. Каменный дом, хоть и в два этажа, но все равно выглядящий приземистым; восточная стена увита плющом, но там, где его нет, видно, что камень давно потемнел и местами растрескался. Черепица на крыше тоже кое-где зияла дырами и явно нуждалась в перекладке, как и ветхие оконные ставни — в замене.

Хм, интересно. Вроде дом для семьи рыцаря должен быть более ухожен, однако почему-то за ним никто не следил в последние годы. Ну, с Альционой все понятно, она просто была не в состоянии вести хозяйство. Но тетка-то? Гленис Морвейн жила здесь на полных правах, неужели не пыталась как-то облагородить жилище? То ли сэр Мордред и впрямь оставил весьма скудное наследство, то ли... госпожа Морвейн не собиралась делать этот дом своей постоянной резиденцией. А значит, ей было куда податься, и ее вечные попреки, что мать Алли выжила ее из родного дома, а родственники мужа отказались содержать бедную вдову, были не совсем правдивыми. Это тоже стоило прояснить.

Работники скотного двора числом два — женщина, доив-

шая корову, и парень, выносивший прелую солому из хлева, — замерев, уставились на меня и священника и лишь спустя несколько секунд пришли в себя и поклонились. К счастью, память Алли сохранила их имена — Рут и Льюис.

— Доброе утро, — поздоровалась я. — Хозяйка еще не встала?

— Нет, мистрис, она пока не выходила, — покачала головой Рут.

В глазах женщины плескалось недоумение, и я могла ее понять. Как же, юная мистрис Альциона вечно ходила, как сомнамбула, почти не разговаривала, разве что обводила всех мутным взором, а тут, смотрите-ка — бодрa, весела, глаза ясные, речь четкая. Есть чему удивиться.

— Ладно, тогда пойду будить.

Взойдя по ступенькам на порог, я толкнула мощную дубовую дверь, и она со скрипом поддалась. Кажется, здесь не было принято запира́ться на ночь, или просто уже кто-то из домовой прислуги проснулся и вышел во двор.

Внутри меня ждало темноватое помещение с низким потолком и большим камином в дальнем углу. Тут, как и снаружи, ощущалась некоторая заброшенность. Знаете, вот как заходишь в квартиру после долгого отсутствия, и сразу бросается в глаза все то, что замыливалось при повседневном присутствии: покосившаяся дверца, отломанный рожек у светильника, замызганный жиром угол в кухне... Так и здесь. Вроде и относительно чисто, видно, что, в целом, в до-

ме убираются и за комнатами кое-как следят, а все же при-
смотришься — тут камни в полу отсутствуют, там в ками-
не трещина, здесь из окна поддувает, а сами окна, хоть и за-
стеклены, однако давно не мыты.

Рассматривала комнату я недолго. На втором раздался от-
четливый шум, а затем послышались звуки шагов на лестни-
це. Лестница, кстати, тоже скрипела немилосердно.

— Альциона! — раздался резкий голос моей тетки, спу-
стившейся в «зал». — Ты наконец-то изволила явиться!

— И вам доброе утро, тетушка, — с холодной улыбкой
ответила я.

[1] Môr Manaw (*валл.*) — Мэнское море

**От души рекомендую вам еще одну книгу нашего
литмоба. Роман Виктории Веры "Служанка для про-
каженного лорда". Оторваться просто невозможно!**

<https://litnet.com/shrt/Vyvq>

Глава 10

Гленис Морвейн собиралась что-то сказать, но тут заметила священника за моей спиной.

— Святой отец... — вздрогнула она, однако мгновенно продолжила, почти не сбившись с дыхания: — Добро пожаловать.

Удивительно, с какой скоростью изменился ее тон. Только что рычала, как раненая тигрица, а теперь, гляди-ка, елей в каждом звуке.

— Бог в помощь, мистрис Морвейн, — отозвался священник.

— Вы привели Альциону? Вот спасибо! Надеюсь, она не доставила вам хлопот? Я и сама вчера хотела о ней позаботиться, но вы были так любезны. Даже лекаря из замка пригласили...

Вопрос в ее голосе был очевиден: ну, что? что лекарь-то сказал? не выведал ли чего лишнего?

Я чуть отступила в сторону, давая место отцу Далмацию...

По дороге сюда он не удержался и еще раз спросил, уверена ли я, что не хочу выносить сор из избы и хотя бы частично поведать ему о том, что вчера произошло?

— Назначение сюда я принял совсем недавно и пока даже не знаком со всеми своими прихожанами, — пояснил он.

— Твоя свадьба свалилась на меня совершенно неожиданно. Мистрис Морвейн пришла в церковь и сказала, что все уже было обговорено с моим предшественником, неким отцом Грегори, а раз его сейчас нет, то обвенчать вас с сэром Дримием Столгейтом должен я. У меня не имеется привычки заключать недобровольные браки, кроме того, я полагаю, что союз двух людей должен стать для обоих благословением, а не проклятием. Так что я сразу же поговорил с сэром Столгейтом, и тот уверил меня, что все в порядке. А вот с тобой я до церемонии встретиться попросту не смог. Сначала госпожа Морвейн сказала, что ты приболела и не можешь принимать гостей, затем — что уехала в соседнюю деревню навестить какую-то родню, а там уж и день свадьбы настал. Дальше ты знаешь сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.